

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

ВИДЯЩИЙ Б
КНИГА 2

Валерий Пылаев
Видящий. Рагнарёк. Том 2
Серия «Видящий. Гардарика», книга 6

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67807440
Видящий. Рагнарёк. Книга 2:*

Аннотация

Валерий Пылаев – псевдоним разнопланового писателя-фантаста. Автор пробовал свои силы в популярных сериях «Метро» Дмитрия Глуховского и «Дозоры» Сергея Лукьяненко. И романы Валерия Пылаева по этим мирам были изданы. Однако наибольшей популярностью пользуется серия его книг «Видящий», написанных в антураже ЛитРПГ.

Главный герой Антон Смирнов в свои тридцать лет неожиданно-негаданно лишается враз и работы, и жены, своевременно собравшей чемоданы. Личностный кризис оказывается прекрасным поводом связаться в авантюру. С подачи друзей герой регистрируется в виртуальной игре «Гардарика». Но вскоре он поймёт, что виртуальная реальность совсем рядом с нашей повседневностью. Грызня кланов вот-вот выльется в войну в действительной жизни, а некоторые друзья и враги кажутся Антону смутно знакомыми...

Грядет Рагнарёк – последняя битва Света и Тьмы. Со всех сторон надвигаются невиданные монстры. События набирают обороты. Зловещие пророчества исполняются. Время Богов на исходе и судьба Девяти Миров в руках Видящего.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	56
Глава 8	65
Глава 9	74
Глава 10	82
Глава 11	91
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Валерий Пылаев

Видящий.

Рангарёк. Книга 2

Глава 1

Сначала я услышал негромкое потрескивание. Где-то рядом горел огонь. Но не тот, что вырвался из камней Тенгри-Хан вместе с демонами Муспельхейма. Другой – маленький и слабый. Способный принести немного тепла и света – но не обратить все вокруг в пепел.

Ручной. Полностью подвластный тому, кто его разжег.

Я открыл глаза.

– Долго же ты спал. Уже светает.

Ванадис подбросила в костер деревяшку и протянула ноги к огню. Она выглядела так, будто сидела здесь целую ночь – и, похоже, готова была просидеть еще столько же, если понадобится. Я завертел головой, пытаясь для начала понять, как и где я оказался... И как выбрался из-под камней после того, как потолок пещеры обрушился прямо на меня.

Вершина Тенгри-Хан, никуда не делась. Даже не потеряла свою роскошную снежную шапку, хоть огненные демоны Муспельхейма и добрались до ее сердца. Она все так же

возвышалась над нами, тускло мерцая в утреннем полумраке алыми отблесками лавы. Та еще не успела остыть и неторопливо стекала вниз, к завалам. Пещера, ставшая могилой великого хана Есугея, оказалась в нескольких сотнях шагов.

Которые я уж точно не смог бы даже проползти без чьей-то помощи.

– Ты вытащила меня оттуда? – Я кое-как уселся. – И принесла сюда?

– Ты удивлен, Видящий? – усмехнулась Ванадис. – На севере девы щита сражаются наравне с мужчинами – или ты думаешь, что мне не хватило бы сил помочь тебе?

– Нет. – Я потер глаза и потянулся, разминая плечи. – Твоя сила велика.

И не только физическая. Одному Всеотцу известно, как Ванадис смогла попасть сюда – на самую кромку мира людей, сторающую от жара пустыни. Кровожадные духи, несколько дней пути через пески под палящим солнцем... И я не видел поблизости ничего похожего на лошадь.

– Может, и так. Но я все еще женщина. И занята женским делом. – Ванадис рассмеялась и подняла с камней аккуратно сложенную темную ткань. – Пока ты спал, я зашила твою одежду – она вся обгорела.

Я лишь сейчас заметил, что на мне осталась одна легкая нижняя рубаха. Ванадис не только вытащила меня из-под камней, но и позаботилась о моем имуществе – я разглядел у костра саблю с ножнами. Не то чтобы я не был рад ее доб-

роте и загадочному появлению в нужное время – но вряд ли она просто проходила мимо Тенгри-Хан.

– Ты пришла, чтобы спасти меня? – спросил я. – Но как ты узнала?..

– Дух обычного человека подобен угольку в остывшей золе. – Ванадис протянула мне мантию. – Но твой дух сияет ярче погребальных костров северян, Видящий. Я услышала твою боль – и явилась, чтобы помочь.

– А что стало с детьми? – Я поднялся на ноги и принялся одеваться. – Ты оставила их?

– Они в безопасности. А ты нуждался в моей помощи куда больше. – Ванадис пожала плечами. – Так или иначе – все мы чьи-то дети, Видящий.

– Я должен тебе, Ванадис, – вздохнул я. – Ты многое сделала для меня, хоть и видела всего один раз. Я не спрашиваю, как ты прошла через пески, – но боюсь и подумать, что можно попросить в награду за подобное.

– Оставь подарки для других, Видящий. – Ванадис махнула рукой. – У каждого из нас есть долги, но свой ты заплатишь не мне.

– Тогда почему ты мне помогаешь? – Я шагнул к костру и поднял ножны с саблей. – Я не так много лет прожил на этой земле, но уже успел убедиться – ничто здесь не происходит без причины.

– К чему тебе мои причины, Видящий? – улыбнулась Ванадис. – Может, мы служим разным силам, но, когда придет

день последней битвы, нам суждено сражаться на одной стороне.

– Может быть. – Я затянул пояс. – А может, и нет. Древние легенды слишком просты, чтобы оказаться правдой. Мир не делится на черное и белое, Ванадис. И Рагнарёк не станет днем битвы добра и зла. Немало найдется и тех, кто станет сражаться сам за себя.

– Но только не ты, Видящий. – Ванадис склонила голову набок. – Слишком велик груз на твоих плечах. Слишком многие пойдут на смерть, когда ты велишь. Тебе есть что защищать – и даже если у нас разные друзья, то враг – общий.

– Ты говоришь о том, кто называет себя конунгом Сивым? – Мне надоело говорить загадками. – Что ты знаешь о нем?

– Немногое. – Похоже, моя прямота не произвела на Ванадис ровным счетом никакого впечатления. – Любой конунг несет с собой войну на кончиках мечей своего хирда и жаждет власти, но Сивый хочет слишком многого... Иной раз смертные страшнее ледяных великанов, Видящий.

Лучше и не скажешь. И добавить нечего.

– Он – мой враг, – сказал я. – Человек из плоти и крови. Когда придет время, я сражусь с ним – а великанов оставлю могучему Тору. Незачем смертному лезть в битву богов... А что станешь делать ты?

– У меня есть меч, но я не ищу себе врагов, Видящий. – Ванадис пожала плечами. – Мой удел – защищать тех, кто в

этом нуждается.

– Меня? – уточнил я.

– И тебя – если придется. – Ванадис подтянула под себя ноги, усаживаясь поудобнее. – Чтобы ты смог исполнить свое предназначение.

Я молча кивнул и отошел в сторону, чтобы сделать то, что задумал почти сразу, как очухался. Пустыня прикончила все живое вокруг в нескольких днях пути от Тенгри-Хан, но до склонов гор смертельный жар еще только добирался – и то тут, то там среди скал попадалась чахлая растительность. Ванадис извела парочку сухих деревцев на костер, в котором уже жарилось что-то умопомрачительно ароматное, но одно уцелело. Впрочем, ненадолго – к нему-то я и направился.

Сабля Дува-Сохора без труда срезала тонкий ствол под самый корень, а дальше я орудовал уже ножом.

– Что ты делаешь, Видящий? – спросила Ванадис.

– Посох. – Я принялся осторожно снимать кору, чтобы не повредить само дерево – иначе получится слишком хрупким. – Мой старый сгорел в подземном пламени.

– Палка – плохое оружие. Разве тебе недостаточно твоего странного кривого меча?

– Кривой меч не поможет мне идти через скалы и пески.

Я мог бы без труда вырастить новый посох хоть из щепки, вложив достаточно духа, но все же решил поработать руками. И не только потому, что сосредоточенное выстругивание деревяшки успокаивало и приводило мысли в порядок – а

заодно и позволяло хоть на несколько минут выйти из беседы... Или хотя бы говорить не спеша.

Руки неторопливо водили туда-сюда отточенным лезвием, снимая мелкие сучки и заусенцы, а глаза и ум полностью переключились на инвентарь.

Обломки «Светоча» (7/10)

Тип: талисман

Класс: АБСОЛЮТНЫЙ

Особые свойства: +7 ко всем основным характеристикам.

Дополнительные особые свойства (Антор): +7 к Воле, +150 очков духа, – 35 % расхода очков духа при использовании умений Видящего, скорость восстановления очков духа +3 ед/сек.

Всего лишь обломки меча, выкованного еще до начала времен. Но даже они сохранили крохотную частичку могущества «Светоча» и чуть возвышают своего владельца над простыми смертными. Но с этим оружием лучшие не шутить – древние артефакты коварны и своенравны. Даже по отдельности осколки «Светоча» сгубили немало человеческих душ.

В ваших руках уже семь из десяти осколков древнего клинка. А значит, вы куда ближе к истинному могуществу «Светоча», чем любой из ваших врагов. Но не стоит терять бди-

тельность – самое сложное еще впереди. Обретенное могущество делает вас целью не только для людей, но и для тех созданий, которым нет имени ни на одном из существующих языков. И все же бояться вам теперь стоит вовсе не их. Самый страшный враг всегда внутри. Под силу ли смертному удержат в руках власть, которой не смеют коснуться даже боги?

Семь из десяти. И очередная прибавка к Характеристикам и усиление способностей Видящего. Вполне ожидаемо, круто...

Но как это, йотун возьми, поможет мне перебраться через пустыню? Я уже просканировал все вокруг «Истинным зрением» и убедился: лошадей поблизости нет. Они то ли погибли во время землетрясения, то ли просто удрали так далеко, что я не мог отыскать их даже оком Видящего.

– Тебе нужно поесть, – подала голос Ванадис. – Иди сюда. Я поджарила мясо.

– Я не голоден.

Я продолжил сосредоточенно орудовать ножом, параллельно прикидывая свои шансы пройти через пустыню пешком, не попавшись песчаникам или банально не умерев от жажды. Выходило не очень – даже с семью осколками «Светоча» я пока не научился летать или хотя бы бегать со скоростью скакуна. Но как тогда Ванадис...

– Думаешь, как перебраться через пески?

Вот ведь...

– Именно, – буркнул я.

– Я могу помочь, Видящий. – Ванадис улыбнулась и склонила голову набок. – Но ты так упрям, что скорее изрежешь свой посох до опилок, чем попросишь... Или я ошибаюсь?

Удивительная женщина. Мы сидим на скалах в паре сотен шагов от Муспельхейма, но она все еще не утратила желания... флиртовать?

– У нас нет времени для игр. – Я неосторожно дернул рукой и снял втрое больше стружки, чем собирался. – Огненные твари скоро доберутся и сюда.

– Не так уж скоро. Им пришлось потратить немало сил – даже огонь нуждается в отдыхе... И для той игры, что мужчина и женщина ведут от самого сотворения мира, всегда найдется время, – отозвалась Ванадис. – Но я не стану играть, Видящий. Что-то защищает тебя даже от моих чар... Или кто-то.

Действительно – на этот раз Система не выдала ни одного оповещения. Не то чтобы нечеловеческая привлекательность Ванадис совсем перестала на меня действовать – но теперь уже не сопровождалась попытками пробить мой ментальный щит.

Как это вообще работает?

– Но я все равно помогу тебе, Видящий. – Ванадис шагнула вперед и протянула мне что-то в ладонях. – Возьми. Больше мне нечего тебе отдать.

Получен новый предмет!

Соколиное оперение

Тип: плащ

Класс: божественный

Особые свойства: дает владельцу принимать облик сокола и летать.

В ваши руки попало волшебное соколиное оперение, о котором смертным приходилось слышать лишь в древних легендах о богах Асгарда. Стоит надеть его на плечи – и даже небо покорится быстрым крыльям сокола, чей облик вы примете. Но не стоит шутить со столь могущественной магией – если слишком часто превращаться в птицу, однажды можно забыть свою истинную сущность и уже навсегда сменить удел человека, которому суждено ходить по земле, на беззаботную высь.

– Это... – Я осторожно пригладил кончиками пальцев мягкие перья. – Я не могу принять такой дар, Ванадис. Без него ты погибнешь в песках!

– Обо мне не беспокойся, Видящий. У таких, как я, свои пути.

– Нет! – Я схватил ее за плечи. – И не думай! Мы вместе уйдем отсюда, и я...

– Поспеши. – Ванадис осторожно взяла мое лицо ладоня-

ми. – Хотела бы я просить тебя остаться чуть дольше – но твой путь уже зовет. Лети как ветер, Видящий.

Вот так просто? Без каких-то условий и даже без причины?.. Почему?

Впрочем, я, похоже, уже догадался.

– Доброго пути, Видящий. – Ванадис отступила на шаг. – И да хранят тебя боги.

– Постой! – Я поймал ее за руку. – Не в моем праве спорить и отказываться от твоей милости... Но скажи – почему ты ходишь среди смертных, Ванадис... дочь ванов?

Она молчала так долго, что я уже и не надеялся услышать ответ – но все-таки услышал.

– Пока среди смертных есть такие, как ты, Видящий, еще не все потеряно. – Ванадис склонила голову. – А теперь – ступай. Ты и так оставил мне слишком много печали.

Глава 2

Это оказалось куда быстрее поездки верхом. И куда круче – хоть поначалу... странно. Когда я активировал артефакт, тело сразу начало изменяться. Его будто приподняло над землей, а потом начало комкаться, превращая во что-то маленькое и горячее. Я стремительно обрастал перьями, руки и ноги укорачивались, а пальцы – наоборот – вытягивались, с хрустом превращаясь в крылья. Боли я не почувствовал – но само ощущение испугало настолько, что я захотел выругаться... и не смог. Вместо человеческого голоса из моей груди вырвался клекот.

А потом меня подкинуло вверх – сразу на пару десятков шагов. И когда я понял, что сейчас рухну обратно, мне осталось только одно – лететь. Я сделал небольшой круг над скалами и заметил внизу крохотную фигурку в темной одежде.

Ванадис. Женщина. Машет... крылом?

Сознание тоже изменилось: видимо, крохотный мозг птицы в принципе оказался неспособен работать так же, как человеческий, – и принялся стремительно все упрощать, заменяя слова привычными образами. На мгновение пришел страх забыть себя настоящего и окончательно превратиться в сокола – но тут же исчез. Пернатый хищник не боялся грозных предостережений в описании к артефакту класса «божественный»... он даже не знал что такое «артефакт».

В голове не осталось ничего лишнего – только древнее, как сам этот мир, мастерство.

Летать.

Я мчался на север. Отчаянно работая короткими могучими крыльями и набирая высоту, чтобы тут же сорваться в пике, разгоняясь до запредельных скоростей. Новое тело оказалось меньше – но куда сильнее старого, человеческого. И куда удачнее.

Разве жалкий двуногий способен на подобное? Горы внизу уже давно сменились пустыней – за какие-то несколько минут я преодолел путь, на который человеком потратил бы полдня. Мне пришлось бы карабкаться через валуны, шагать по скалам, каждое мгновение рискуя оступиться на тропе и свернуть себе шею, а потом тащиться через пески, увязая тяжелыми и неповоротливыми конечностями и теряя силы.

А здесь, наверху, мне мог помешать только ветер – но и он вдруг из врага превратился в союзника. Подхватывал огромными теплыми ладонями под крылья, заботливо поднимая, – и отпускал, когда я вновь камнем мчался к земле, выискивая взглядом добычу.

Солнце уже вошло и загнало в норы всех грызунов и змей, которых еще не прикончил жар пустыни, – но в воздухе еще попадались насекомые. Пусть не такие вкусные и сытные, как какой-нибудь тушканчик, – но все-таки пища. Я вяло пытался возражать собственному телу, напоминая, что следует поспешить, что у нас еще слишком много незакон-

ченных дел на севере, но сокол меня не слушал.

Он хотел есть. В человеческом облике я загнал себя до предела, стремясь поскорее добраться до Тенгри-Хан, и теперь организм отчаянно требовал хоть немного пищи и влаги. Приходилось уступать и позволять соколу охотиться по дороге.

А иначе он, чего доброго, повернет назад, чтобы выковырять что-нибудь вкусненькое из-под камней гор...

Ладно, будь по-твоему.

Я расслабился и полностью передал «штурвал» птице, довольствуясь лишь корректировкой курса. В конце концов, пернатый куда лучше меня знает, как поскорее добраться туда, где трава еще не погибла под песком. Через непродолжительное время мы, кажется, привыкли друг к другу и научились неплохо разделять сознание. Он рулил и кормился на ходу, а я – просто слушал свист ветра в ушах и прокручивал в голове ускользающие образы.

Далекий город. Молодой воин с круглым щитом. И еще один – высокий и худой, с луком за плечами. Девушка с волосами, похожими на пламя. И вторая – маленькая, с толстой русой косой. Она ждет меня – но еще больше ждет другая. Совсем далекая, скрытая от этого мира... Туда мне не добраться – даже в сильном и быстром теле сокола.

Я мог бы поспешить к ней... но еще не время.

Я вспомнил смуглого мужчину с бородкой и усталыми глазами. И сразу – так похожего на него мальчишку с ли-

цом взрослого человека. Худого, измученного, но несгибаемо-упрямого, будто где-то глубоко внутри его горело пламя, подобное тому, что сгубило отца...

Он ждет меня.

И я летел дальше, подгоняемый горячим южным ветром. Даже когда начало уставать соколиное тело. Даже когда песок далеко внизу сменился травой. Сначала сухой и пожухлой, а потом зеленой от затянувшегося последнего лета. И только когда вдалеке показались островерхие шатры и юрты, я позволил измученным крыльям отдохнуть и уже не спеша парил над стойбищем. Оно стало куда меньше – похоже, не все здесь верили, что великий хан вернется, чтобы отвести свой народ туда, где не придется страдать от голода и жажды и вздрагивать по ночам, услышав шелест песка за тонкой стенкой из лошадиной кожи.

Но юный хан исполнил то, что велел отец.

Я опустился на примятую траву у его шатра – и тут же заковылял вперед на когтистых лапах, снова привыкая к земле.

– Кто ты – злой дух или вестник Великого Неба? – Темуджин шагнул мне навстречу. – Зачем ты пришел?

Вряд ли он мог узнать меня в облике сокола – но то, что перед ним не простая птица, явно почувствовал. Я ощутил касание его дара – неуклюжее, но требовательное. Темуджин без труда пробился сквозь сознание сокола к человеческому, и я ответил ему уже в истинном облике.

– Приветствую тебя, великий хан. – Я склонил голову. –

Я не враг тебе, хоть и принес дурные вести.

Все вокруг – и женщины, и воины, и даже бронированные кешиктены – поспешно пятились: едва ли кому-то из них приходилось видеть, как спустившаяся с небес птица превращалась в человека. Но Темуджин даже не моргнул, когда я вырос над ним из маленького соколиного тела и заговорил, – только сложил руки на груди и нахмурился...

Совсем как Есугей.

– Ты назвал меня великим ханом, Антор-багатур, друг моего отца и мой друг. – В глазах Темуджина на мгновение мелькнула тоска. – Скажи... как умер мой отец?

– Его забрал оживший огонь, что вышел из скал Тенгри-Хан, – ответил я. – Есугей погиб как истинный воин духа, встав между мной и теми, кому нет имени ни в одном из языков. Его ждут бесконечная степь и Великое Небо.

– Но почему же вышло так, что мой отец отправился к предкам, а ты жив? Или ты сбежал, бросив его умирать?

– Нет, великий хан. – Я покосился на недоверчиво разглядывающих меня кешиктенов. – Он сам выбрал свою судьбу и заплатил жизнью, чтобы я смог вернуться из песков. А я поклялся ему защитить тебя, твою мать и твой народ.

– И ты выполнишь его волю, Антор-багатур? – спросил Темуджин. – Ты станешь служить мне и сразишься с моими врагами?

– Твой отец называл меня другом, а не слугой, великий хан. – Я покачал головой. – Я сделаю, что обещал ему, – но

сделаешь ли ты? Есугей желал мира с моим народом.

– Я знаю, – кивнул Темуджин. – Он говорил, что наши воины отправятся сражаться за земли твоего князя. Что мы вместе сокрушим врагов.

– Так и случится, великий хан. И когда мы победим, твой народ ни в чем не будет нуждаться. Земель за далекими горами на западе хватит на всех, и туда пески доберутся не скоро.

Через пару недель. Если я не разберусь с Сивым и оставшимися осколками «Светоча» раньше. И даже Великое Небо вряд ли скажет, что случится, когда все десять окажутся в одних руках... Но пацану об этом знать необязательно.

– Может, и так, Антор-багатур. Но земли за горами далеко, а голод близко. – Темуджин заговорил тише и указал рукой на юрты за шатром. – Лишь часть войска осталась верна мне, сыну Есугея. Всех остальных Джаргал, старший из багатуров, увел с собой на рассвете. Они не слушают ни тебя, ни твоего князя.

– И желают силой взять то, что не пожелал взять твой отец, – догадался я.

Ничего удивительного. Колоссальное по меркам северян или склафов болгарское воинство состоит из сотен мелких племен, и вместе всю эту орду удерживала лишь стальная воля Есугея. Его авторитет и так основательно пошатнулся после отступления у стен Вышеграда – а уж после того, как хан ушел с чужаком в пустыню...

Темуджин унаследовал дар и силу отца – но для того, что-

бы приструнить несколько тысяч степняков с багатурами во главе, этого все-таки маловато.

– Воины послушают своего хана. – Я опустился перед Темуджином на одно колено. – Джаргал ушел, и ты поступил мудро, отпустив его.

– Отец бы не простил такого, – еле слышно отозвался юный хан. – Если бы у меня было достаточно сил, чтобы сразиться...

– Твой отец всегда знал, когда следует говорить его сабле. – Я коснулся рукояти на поясе. – И знал, когда ей лучше остаться в ножнах. Если бы ты позволил гордыне взять верх над разумом, многие из твоих людей погибли бы.

– Верно. – Темуджин подобрался и сжал кулаки. – Я чувствовал, что ты придешь, Антор-багатур. Помоги мне покарать предателей и вернуть моих воинов, и я поклянусь перед Великим Небом, что ни один из них никогда больше не поднимет сабли против твоего народа!

Примерно так я и планировал... Но если начать потрошить всех направо и налево во славу законного наследника степей, можно не только укрепить его власть, но и ненароком вырастить малолетнего диктатора.

– Я исполню то, что обещал. И буду сражаться за тебя, если придется. – Я улыбнулся. – Но твой отец желал, чтобы я стал тебе не только защитником, но и наставником. Пообещай, что будешь милостив с теми, кто покорится твоей воле.

– Обещаю, Антор-багатур, – кивнул Темуджин. – Многие

отвернутся от Джаргала, если за меня встанет тот, кого сам отец признал равным себе... Но он ушел уже далеко, а мои люди еще даже не свернули юрты.

– Тогда прикажи им собираться, великий хан. – Я огляделся по сторонам. – Сколько воинов ты сможешь взять с собой, если мы отправимся за Джаргалом-багатуром прямо сейчас?

– Не больше пяти сотен. – Темуджин будто ждал моего вопроса. – Я не оставлю женщин и детей без защиты. Джаргал идет медленно, и мы догоним его еще до заката, если поспешим... Но с ним вдесятеро больше людей.

Толковый парень – уже начинает мыслить как стратег.

– Бери только тех, у кого самые быстрые кони. – Я поднялся на ноги. – Мы не станем сражаться с твоим народом.

Глава 3

– Ближко уже. – Воин в блестящих доспехах кешиктена снова приложил ухо к земле. – Земля дрожит... Скоро догоним, хан.

Я уже и сам видел следы прошедшей здесь каких-то два-три часа назад орды. Копыта сотен и тысяч коней почти ничего не оставили от высушенной солнцем и горячими ветрами с юга травы, превратив не только большак, но и поля вокруг в сплошное земляное и песочное месиво.

Когда я проезжал здесь, разыскивая стойбище булгар, мне приходилось выбирать путь, избегая крупных дорог, разведчиков Есугея или дезертиров. Джаргал же пер к Вышеграду чуть ли не по прямой – и все, кто мог бы позариться на имущество одинокого всадника, в ужасе расползались по норам, только завидев вдалеке бронированный авангард его воинства.

А мы двигались за ним следом – и куда быстрее. Отряду из трех сотен всадников не приходится ждать отстающих и женщин с детьми.

– Надо поспешить.

Темуджин коснулся узды, и его конь нетерпеливо заплясал, демонстрируя готовность нести легкого всадника хоть на край земли. Юный хан ехал верхом в жилетке из толстой кожи – точно такой же, как носила половина его воинов, – и

с коротким луком поперек седла.

Похоже, ему не терпелось пустить оружие в ход.

– Не лучше ли отдохнуть, хан? – Следопыт в доспехах кешиктена тоскливо посмотрел вдаль – туда, куда ушла орда. – Кони устали... Мы все равно догоним Джаргала-багатура после заката, когда они остановятся на ночлег.

Похоже, парню не слишком-то хотелось встречаться с воинством предателей... И его сложно было не понять. Нас чуть ли не в двадцать раз меньше, и если не получится договориться по-хорошему – не спасут даже дар Видящего и семь осколков «Светоча».

Впрочем, Есугею, чтобы приструнить и собрать в орду всех степняков, хватило и одного.

– Разве ты не слышал, что сказал тебе твой хан? – Я прищипорил коня. – Мы догоним Джаргала до того, как солнце сядет.

Только так – и не иначе. Предателей надо брать тепленькими, на марше – этого они точно не ждут. Прорезать всю эту огромную конную ораву, как нож масло, и добраться до самого Джаргала. Убедить, напугать, сломать. И если потребуется – ударить. Быстро, решительно и жестко, так, чтобы ни у кого даже мысли не возникло лезть в драку. Все должны увидеть правосудие хана – и поэтому оно случится под Великим Небом при свете дня.

Мы снова тронулись – и на этот раз скакали уже без остановок, будто пытаюсь догнать не Джаргала, а неумолимо кло-

нящееся к закату солнце.

– Хан! – Я пришпорил коня, догоняя Темуджина. – Ты помнишь, о чем я тебе говорил?

– Помню, хоть и хотел бы забыть. Но я сделаю, как ты просил, Антор-багатур. Я не трону тех, кто признает мою волю.

– Верно, – кивнул я. – Хоть меня куда больше тревожат те, кто откажется склониться.

– Я – великий хан и сын своего отца. – Темуджин сердито сверкнул глазами. – Мой народ может послушаться – но никто воинов не обратит на меня ни сабли, ни острия стрелы!

– Хорошо, если так. – Я огляделся по сторонам. – Но люди голодны и напуганы, а ты желаешь, чтобы они поверили тем, с кем никогда не знали дружбы. Мой народ сотни лет воевал с жителями степей. Джаргал не пожелает забыть старую вражду – и немало найдется тех, кто скорее послушает его, чем тебя, хан.

– Но такова воля отца! – Темуджин поджал губы. – Он говорил, что оба наших народа погибнут, если...

– Ты – не твой отец, хан, – вздохнул я, – хоть и унаследовал его дух и силу багатура. Может, тебе и суждено стать величайшим из ханов, но пока те, кто ушел за Джаргалом, видят перед собой лишь мальчишку, который слушает чужака, а не тех, кого сам Есугей называл братьями.

Темуджин не ответил – но огонек гнева в его глазах погас, сменившись задумчивостью.

Хорошо – во всяком случае, куда лучше, чем если бы он принялся топтать ногами и верещать, требуя связанного клятвой Видящего немедленно порубить в капусту всех несогласных. Умный парнишка растет.

Сначала Рагнар, потом Вацлав – и вот теперь он. Похоже, моя судьба – стоять у плеча сильных мира сего, чтобы советовать, плести интриги, разыгрывать изящные многоходовки... а иногда и просто делать грязную работу.

– Но что же мне делать? – снова заговорил Темуджин. – Что говорить?

– Никто не должен сомневаться в твоей власти, хан. – Я привстал на стременах, вглядываясь вперед. – Твоему отцу нередко случалось выигрывать спор одним лишь словом – но иной раз за него говорила сабля. Ты еще слишком молод, чтобы сражаться, но если придется – я встану за тебя. И если у Джаргала есть честь, он будет биться честно, а не спрячется за щитами кешиктенов.

– А если нет? – нахмурился Темуджин.

– Тогда мы ударим так быстро, что он не успеет поднять саблю. Даже самое сильное тело не сможет сражаться, потеряв голову.

* * *

Сначала впереди показалась пыль. Так много, что я сперва подумал, будто вижу спустившееся прямо к земле грязно-се-

рое облако. Оно-то и скрыло наше приближение. Джаргал не слишком-то следил за тылами, поэтому наш отряд появился у хвоста кочующей орды неожиданно. Воинов здесь почти не было. Перед мордой моего коня во все стороны шарахались приземистые тощие лошадки, тащившие поклажу или несколько всадников одновременно. В основном – женщин с целым выводком детишек, обвязанных вокруг седла, но попадались и юнцы в доспехах. Им наверняка было стыдно показаться перед Темуджином и взрослыми воинами так – вдвоем или даже втроем на одном боевом скакуне, – и они изо всех сил гнали вперед, чтобы спрятаться в стоящей над дорогой пыли.

А заодно и предупредить Джаргала. Уже скоро я услышал далеко впереди протяжные крики, которые через несколько мгновений эхом докатились до нас – и орда вокруг начала замедляться. Мы с Темуджином прибавили ходу, прошивая живое море из людей и лошадей, – но их было слишком много.

И когда мы предстали перед Джаргалом, пыль уже успела улечься – и он наверняка заметил, как нас мало. Вряд ли багатуры собирались драться с сыном хана, но, когда мы подъехали ближе, вокруг уже собралось столько воинов, что от блеска стальных доспехов можно было ослепнуть.

Не лучший расклад. Случись что – сомнут одним ударом. – Приветствую тебя, Темуджин, славный сын Есугея! – Джаргал поднял руку, и гомон вокруг тут же стих. – Великое

Небо радуется, что ты сам поведешь нас туда, куда не пожелал вести твой отец!

Меня багатур закономерно проигнорировал. И первое слово осталось за ним – воины тут же радостно закричали. Вряд ли кто-то из них обрадовался расколу между сыном хана и его ближайшими сподвижниками.

А я вдруг подумал, что по-настоящему мира между склафами и булгарами здесь хочет только один человек. И Темуджину достаточно сказать всего одно слово...

– Я поведу вас еще дальше! – Юный хан приподнялся на стременах. – Тот, кто видел смерть моего отца, говорит от имени своего князя, и его народ больше не желает вражды.

Радостные крики вокруг стихли, будто кто-то нажал на гигантский выключатель. Даже лошади перестали ржать – похоже, почуяли напряжение, разом скакнувшее от нуля до каких-то астрономических величин. На мгновение над пыльной дорогой повисла такая тишина, что я услышал, как бешено колотится в груди сердце.

– Твой отец искал дружбы с теми, что сотнями лет лили кровь народа степей, – наконец заговорил Джаргал. – И что с ним стало? Песок не хранит следов. Может, чужак сам убил Есугея и теперь околдовал тебя, хан? Я не верю ни ему, ни его князю!

Воины за его спиной снова загудели. Каждый из них наверняка с радостью насадил бы мою голову на пику... или отправил бы в подарок Вацлаву, чтобы тот знал, что ждет и

его, и весь Вышеград.

– Есугей был великим воином – и мудрейшим из тех, кого когда-либо рождала степь! – Я тронул поводья, и мой конь встал рядом с конем Темуджина. – И его взору открылось то, чего не видишь ты, Джаргал-багатур. Враг, который пришел из-за Большого моря на севере, страшнее даже песков пустыни. И когда он сокрушит мой народ – некому будет защитить от него твой. Только вместе...

– Я видел пески. И видел отметины, оставленные на моем панцире прямыми мечами, что куют в ваших городах, – усмехнулся Джаргал. – Но я не видел врага из-за моря! Зачем мне сражаться за земли князя, если мой народ голодает? Разве я смогу накормить детей твоими обещаниями?

– А разве мои обещания стоят меньше слова того, кто послушался воли своего хана? – Я отпустил поводья и сложил руки на груди. – Если вы станете сражаться за моего князя – больше не будете голодать! Есугей искал мира на этих землях – так почему же ты хочешь войны, Джаргал-багатур?

– Есугей отправлял воинов к вашим князьям. Они везли щедрые подарки – золото, серебро, меха и сабли из лучшей стали в степи – и взамен просили лишь мира. Но князья не поверили – и в ответ хан получил головы своих людей! – громыхнул Джаргал. – И скорее Великое Небо упадет на землю, чем я поверю тебе!

Да уж. Не умеют местные в дипломатию... А мне расхлебывать.

– Будь по-твоему, Джаргал-багатур. – Я склонил голову. – Можешь не верить – но не тебе решать, с кем сражаться воинам твоего народа. Пусть хан скажет свое слово!

– Я уже сказал. – Темуджин снова поднялся на стремянах, чтобы воины вокруг лучше его видели. – Мой отец хотел дружбы с народом Антора-багатура – и я выполню его волю. Клянусь перед Великим Небом!

– Тогда ты так же безумен, как Есугей!

Джаргал подался вперед – и следом за ним тут же двинулись воины... Впрочем, не все – большая часть осталась на месте. Они смотрели сначала на хана, потом на старшего из багатуров – и опустили глаза.

Вряд ли они встанут на нашу сторону, если придется сражаться... Но и Джаргалу тоже не помогут. Уже неплохо.

– Осторожнее, багатур! – Я возвысил голос. – Не забывай, кто перед тобой!

– Я вижу лишь юнца, который дал колдуну затуманить свой разум, – огрызнулся Джаргал. – Одного лишь имени отца недостаточно, чтобы вести народ степей умирать за чужие земли!

– Верно. – Я посмотрел Джаргалу прямо в глаза. – Есугей правил всеми не только потому, что умел красиво говорить, но и потому, что был сильнейшим из багатуров. Он убил бы тебя, посмей ты сказать ему в лицо хоть одно слово из тех, что услышал его сын!

– Может, и так. – Джаргал сплюнул на землю. – Но не тебе,

сыну собаки, учить меня...

– Если бы Темуджин был взрослым воином, он сам бы отрезал твой поганый язык вместе с головой. Но если его рука еще не окрепла, чтобы держать эту саблю, – я рванул из ножен клинок, когда-то принадлежавший Дува-Сохору, – я сделаю это за него!

Глава 4

Последние мои слова потонули в грохоте стали. Кешиктены Джаргала дружно хватались за сабли и поднимали щиты, готовясь прикрыть своего предводителя. Но и те, кто пришел со мной и Темуджином, не дремали – они тут же сбились вокруг нас, оцетинившись копьями и остриями стрел. Вдесятеро меньше воинов – но каждый был готов умереть за своего хана.

В отличие от тех, кто стоял за Джаргалом. Лишь немногие полыхали злобой – от остальных струились неуверенность и страх. Настолько липкий, что я почти чувствовал его кожей. Эмоции от сотен людей, скопившихся на крохотном пятачке затоптанной земли, фонили так, что даже мой разум вяз в них, как в болоте. Мне приходилось пробиваться к Джаргалу, словно разрезая желе остро отточенным скальпелем. Синяя шкала почти мгновенно обвалилась до середины, но я справился. Багатур сиял гневом – и злился он не на юного хана, а на меня...

Что ж, тем лучше. Даже с семью осколками «Светоча» я вряд ли смогу задавить его сознание настолько, чтобы подчинить воле Темуджина. Но чуть подкорректировать мысли, добавить агрессии, убрать страх и...

– Что такое, Джаргал-багатур? – Я крутанул в руке саблю. – Станешь прятаться за чужими спинами? Или тебе хва-

тает храбрости только лаять на мальчишку?

– Убирайся прочь, сын собаки, пока я не приказал отправить князю твою голову! – прорычал Джаргал. – Я отвечу своему хану – но твое слово стоит не больше пыли под копытами моего коня!

– Так отвечай, Джаргал-багатур, которого мой отец называл братом! – Звонкий голос Темуджина без труда перекрыл шум вокруг. – Выйди и сразись, если не желаешь покориться. Пусть саблю отца держит не моя рука – ее направит моя воля. И пусть Великое Небо решит, кто из нас прав!

До чего же толковый парень. Успеть бы научить его хоть чему-нибудь перед тем, как все это закончится...

Воины с обеих сторон тут же одобрительно заголосили. Наверняка большинство из них желало победы Джаргалу, но любой исход все же лучше массового побоища, после которого в бесконечную степь отправится пара сотен человек. Видимо, у болгар такие споры нередко заканчивались поединком.

– Как пожелаешь, хан! – Джаргал спрыгнул с коня, громыхнув доспехами. – Если тебе угодно – я убью этого сына собаки. А потом сам поведу славных багатуров на север! Мы убьем всех князей и сожжем все города!

Судя по радостным воплям, такой план нравился степняками куда больше сомнительного и пока еще весьма абстрактного союза с извечными врагами... Но разъяснительную работу можно провести и позже.

А сейчас самое время для показательной казни.

– Ты не поведешь народ степей к стенам городов, Джаргал-багатур. – Я тоже спешился и скинул на землю плащ – чтобы не стеснял движений. – Ты останешься лежать здесь, и птицы выклюют твои глаза, если хан не будет милостив и не позволит похоронить тебя как багатура.

Джаргал не ответил – только сердито сверкнул глазами из-под косматых черных бровей и принялся разоблачаться, скидывая с себя части тяжелой брони кешиктена. Видимо, чтобы никто не подумал, что бой будет нечестным. Я пожал плечами и тоже разделся по пояс, хоть вычет урона у мантии из Гримстоуна и был чисто символическим. Воины уже разошлись в стороны, образовав круг для поединка, но у меня осталось еще несколько мгновений, чтобы просветить своего противника «Истинным».

Двадцать девятый уровень, неплохие физические показатели, средненькое Восприятие и восьмерка Воли. Наверняка еще серьезный уровень владения оружием и парочка неприятных умений багатура – но до меня ему, конечно, далеко. И все же недооценивать его не стоит.

Джаргал уже закончил раздеваться и теперь разминался, виртуозно вращая саблей под одобрительный гул кешиктенов. Без тяжелых доспехов он утратил габариты – но не грозную внушительность. Чуть ниже меня, длиннорукий и поджарый, увитый тугими жгутами мускулов под смуглой кожей – опасный боец. Все-таки годами оттачивать навык в

сражениях со склафами или другими степняками – это совсем не то же самое, что задаром получить плюс пятьдесят очков к умению и целую пачку перков в комплекте с волшебным клинком Дува-Сохора.

Я наверняка смог бы повторить даже самые хитрые элементы его танца с саблей – но не стал. Пусть лучше думает, что я толком не умею обращаться с оружием степняков.

– Хочешь развлечь меня плясками, Джаргал-багатур? – Я накинул на себя все бафы. – Солнце уже высоко.

– Сейчас мы спляшем вместе, сын собаки. И танец не будет долгим.

Схватка началась без отмашки Темуджина или каких-то особенных ритуалов. Джаргал скользнул подошвами сапог по земле, поднимая пыль, и вдруг оказался прямо передо мной. Я не стал подставлять под удар клинок – только чуть сместился вправо, пропуская тяжелое лезвие. Несколько шагов назад – и снова в сторону. Джаргал оттеснил меня чуть ли не к самому краю круга и при этом, похоже, еще ни разу не воспользовался особыми умениям. И без магического ускорения он двигался быстро – но все же недостаточно, чтобы достать меня хотя бы кончиком сабли.

Воины вокруг загалдели, поддерживая своего предводителя и посмеиваясь над неуклюжим чужаком, который позволил гонять себя по кругу и не нанес не единого удара. Но Джаргала моя «трусость», похоже, не обманула: мало кто смог бы выдержать его атаку, не получив ни царапины и не

потратив сил на размахивание саблей. Он сжал зубы и снова попер вперед – и на этот раз по-настоящему. Я сам не заметил, как магическое ускорение включилось, спасая меня от клинка Джаргала. Он тоже разогнулся, и для всех вокруг наша схватка наверняка превратилась в мельтешение двух размазавшихся в воздухе над пыльной дорогой силуэтов, искры и звон стали. Даже получив в подарок умение владеть клинком, я все еще уступал Джаргалу в технике – но отыгрывался за счет сверхчеловеческих Характеристик, вкладывая в каждый удар почти два десятка Силы.

И ему снова пришлось отступить. Он еще не истратил весь запас духа – но явно приблизился к той отметке, когда его уже приходилось считать. Воины вокруг нас притихли – видимо, уже сообразили, что стали свидетелями не избиения, а поединка двух багатуров.

В первый раз Джаргал встретил равного себе – и не смог справиться.

То ли от злобы, то ли от подступавшего отчаяния он стал драться грязно. Джаргал пытался то пнуть меня в колено, то ударить свободной рукой – или поймать за пояс, чтобы подтянуть и насадить на саблю. Но я без труда уходил от его выпадов, успевая не только разрывать дистанцию, но и бить в ответ. И бить так, что клинок Джаргала всякий раз со звоном отбрасывало – и он еле удерживал свое оружие в руках.

После очередного неудачного наскока багатур отдернулся, роняя на дорогу капли крови из длинной царапины на

плече, оступился и припал на одно колено. Но когда я пошел вперед – вдруг крутанулся на месте, вскочил и тут же швырнул мне в лицо пригоршню сухой земли. Она забилась в глаза, и я тут же ослеп – и если бы не окрик Темуджина, Джаргал наверняка разрубил бы мне голову надвое. Я лишь в последний момент успел отпрянуть, и его сабля лишь свистнула перед лицом.

– Молись своим богам, сын собаки, – прорычал Джаргал. – Немного осталось до вашей встречи!

– Глупец. Даже слепым я вижу в сто раз больше такого, как ты.

Я улыбнулся и переключился на «Истинное зрение», которому не были помехой несколько острых песчинок, засевших под веками. И когда я с закрытыми глазами отбил удары Джаргала, его аура полыхнула болезненно-желтым. Он еще сражался, еще стоял и мог скрыть усталость и страх от кого угодно вокруг.

Но не от меня.

Я немного покрутился на месте, привыкая орудовать саблей с закрытыми глазами, – и уже сам погнал Джаргала обратно, отвоевывая потерянное пространство. У него уже не осталось сил – ни магических, позволявших ускоряться, ни даже обычных, человеческих. Удары выкованной из странного тяжелого металла сабли Дува-Сохора громыхали о клинок Джаргала как кузнечный молот, заставляя того пятиться. И когда он в очередной раз подставил свое оружие, защищая

голову, оно не выдержало.

Я вложил в чудовищный удар всю силу – и упавшее с небес тысячу лет назад железо оказалось крепче обычного. Оно срезало клинок Джаргала почти под самую гарду, оставляя в его руках лишь жалкий обрубок. Багатур отшвырнул искалеченное оружие и бросился на меня – видимо, собирался сбить с ног на землю и задушить, не дав воспользоваться саблей.

Но я снова оказался быстрее – и мстительно впечатал сапог прямо ему в живот. Ребра Джаргала хрустнули, как тонкие веточки, а сам он рухнул в грязь и согнулся пополам, пытаясь втянуть ртом хоть немного воздуха.

– Великое Небо подарило мне победу, великий хан. – Я развернулся к Темуджину и заставил себя открыть глаза, хоть их до сих пор и жгло, как огнем. – Багатур, посмевавшийся нарушить твою волю, в твоей власти, а его жизнь – в твоих руках!

Десятки и сотни пар глаз устремились на Темуджина, но никто не произнес ни слова. Кешиктены видели, что стало с их не знавшим поражений предводителем – и молчали.

Юный хан восстановил свою власть... пускай и чужими руками.

– Ты послушался моего отца, Джаргал-багатур, хоть он и называл тебя братом! – раздался в тишине голос Темуджина. – И ты отказался идти за мной – свои ханом – и сам пожелал вести наш народ на север. Имя этому – предательство!

– Пошади, великий хан! – захрипел корчившийся в дорожной пыли Джаргал. – Я больше не посмею...

Но вряд ли его услышал кто-то, кроме меня.

– Истинному воину следует быть милосердным, но лишь глупец сохранит подле себя ядовитую змею. Предавший однажды – предаст и снова. И если здесь есть тот, кто считает меня безумцем, околдованным чужаком, – Темуджин обвел глазами бронированный строй кешиктенов, – пусть скажет сейчас!

Желающих закономерно не нашлось – кешиктены дружно устались в землю.

– В моем праве покарать всех, кто ослушался своего хана. – Темуджин грозно сверкнул глазами. – Но я не желаю лить кровь своего народа. Так пусть умрет лишь тот, кто поднял против меня саблю! Ты слышал, Антор-багатур?

– Слышал, великий хан, – ответил я. – Я исполню твою волю – и так будет с каждым, кто посмеет пойти против наследника Есугея.

– Поднимись, Джаргал-багатур! – Темуджин склонил голову. – Я желаю, чтобы ты умер стоя, как подобает воину.

Мне не раз приходилось убивать своих врагов в бою – но роль палача я примерял впервые. И, видимо, уже достаточно очерствел за недели в этом непрестом и суровом мире – рука не дрогнула, и удар вышел на славу. Размашистый и могучий, нацеленный прямо в незащитную шею.

Второго не понадобилось.

Глава 5

Самый обычный потолок. Высокий – все-таки центр Москвы, дом из старого фонда – но близкий и понятный. Совсем не похожий на Великое Небо над пыльной дорогой. Огромное, бесконечно-синее и недостижимое. Теплое от горячих ветров с юга, но равнодушное и далекое. Оно было там задолго до рождения первых гигантов из пещеры мертвых в недрах Тенгри-Хан – и останется даже после Рагнарёка. Оно видело рождения и смерти тысяч и миллионов людей. И не уронило ни капли дождя, когда я снес Джаргалу голову.

Великому Небу нет дела до людей.

Впрочем, – если вдуматься, – потолку тоже нет.

Я потянулся, вытащил из головы штекер, перевалился набок – и тут же обратно. Так солнце не светило в глаза и только пригревало бок. Ласковое и осторожное – другого в Москве не бывает даже летом. И в самый жаркий день оно только нагреет камни домов и улиц, но не превратит в пустыню зеленые парки и скверы.

Самое обычное лето – пыльное, душноватое и сонное. В «Гардарике» за эти неполные два месяца у северян сменилось три конунга, болгары сбежали из степей, гонимые подступающим пламенем Муспельхейма, пала Империя – и над всем Мидгардом, миром людей, повис Дамоклов меч Рагнарёка.

А здесь просто вступил в свои права июль – вот и все.

– Проснулся?

Катя прикрыла глаза ладонью от солнца, а потом прошла через комнату, склонилась надо мной и задернула шторы.

Самая обычная Катя – без темно-синего одеяния гидьи, в белой футболке и цветастой юбке в пол. Я украдкой огляделся по сторонам, выискивая лошадей, кешиктенов или примятую траву у дороги, – но так и не увидел.

На этот раз обошлось без глюков. Даже удивительно.

– Знаешь, когда ты вот так ложишься и уходишь туда, – снова заговорила Катя, – я боюсь, что когда-нибудь ты просто не вернешься.

– Как Алекс?

– Вроде того. Оцифруешься и сбежишь от меня – насовсем. – Катя уселась рядом со мной. – Скажи... Ты когда в последний раз мылся?

– Намек понят, – вздохнул я, сползая с дивана. – Исправлюсь.

– Давай! – Катя поднялась следом за мной. – Мойся и пойдем гулять.

– Кать, так мне...

– Ничего не знаю! Я договорилась, без тебя Рагнарёк не начнут. А мне нужно хоть немножко внимания – или я тут с ума сойду!

– Внимания? – Я развернулся в дверях комнаты. – В смысле – от меня?

– Ну уж точно не от Олега, – улыбнулась Катя. – Тем более он все равно ушел решать свои важные вопросы...

– Строить козни и плести интриги. – Я оперся плечом на дверной косяк. – Сказал никуда не выходить и даже не заказывать пиццу. Но слушаться его мы, конечно же, не будем.

– Именно так. – Катя кинула в меня подушечкой с дивана. – Иди уже давай!

Я специально не стал запираяться в ванной и, открыв кран, где-то минуту или две просто стоял под горячими струями в ожидании... Но не дождался. Настроение у Кати было игривое, но, похоже, не настолько. И гулять ей хотелось явно больше, чем... В общем, явно больше. И в чем-то я ее даже понимал.

Мы вышли из квартиры через пятнадцать минут, взявшись за руки и озираясь по сторонам. Прямо как школьники, сбежавшие с уроков. Нас мог поймать кто угодно – от полиции до нехстати вернувшегося строгого Олега, – но оттого желание удрать становилось только сильнее.

Свобода пахла бензином, нагретым асфальтом, травой и совсем чуть-чуть – пирожками.

– Странно ощущение... Какой-то сюр. – Катя проводила взглядом автомобиль с мигалками, проехавший мимо по Лубянской. – В этом мире мы в федеральном розыске. В том уже почти наступил конец света. И ничего! Все как раньше.

– Ну... Видимо, иногда большие неприятности происходят без спецэффектов. – Я пожал плечами. – Ты уже придумай

мала, куда мы пойдём гулять?

– Да, мой ярл! – Катя снова поймала меня за руку и на этот раз уже не отпустила. – Будем пить кофе и есть пирожные. Недалеко и недолго – так что судьбы мира подождут.

– Подождут, – кивнул я. – Мне кажется, я заслужил выходной... Или полвыходного.

– Четверть. – Катя засмеялась и потянула меня к дверям. – Нам сюда!

Не знаю, какой был день, – с режимом погружения в вирт почти 24/7 я давно потерял счет времени, – но, судя по всему, рабочий. Кафешка почти пустовала, и заказ принесли буквально через пару минут. Я думал, что разлюбил сладкое лет двадцать назад, – но неожиданно для себя съел все и тут же потребовал еще.

– Ты сегодня какой-то... другой. – Катя ковырнула свое пирожное ложечкой. – Улыбаешься.

– Ну, солнышко... А обычно нет?

– Обычно нет. Обычно вот такой. – Катя сдвинула брови, поджала губы и устремила взгляд куда-то вдаль. – У тебя там случилось что-то хорошее?

Ну я отыскал еще один осколок «Светоча», получил в подарок волшебные соколиные крылья, восстановил власть юного хана и прилюдно обезглавил одного из сподвижников его отца. Но радовался – ведь радовался? – я не этому.

– Что-то хорошее?.. – Я протянул руку и накрыл Катину ладонь своей. – Знаешь, тут скорее просто отсутствие че-

го-то плохого. Это считается?

– Это – считается, – отозвалась Катя. – Кушай пироженку – а то отберу!

Следующие несколько минут прошли в почти полной тишине. Я сосредоточенно жевал и пил кофе. Думать это, впрочем, не мешало – и я как вроде бы сообразил, в чем дело.

Всего за пару месяцев, прожитых в мире «Гардарики», я уже успел привыкнуть к такой неприятной штуке, как предательство, – а заодно и к тому, что чуть ли не каждый здесь втайне (или не втайне) желает меня прикончить. Суровые нравы, жестокое время. Тлен, мрак и беспросветная тоска – и во всей этой серости любые по-настоящему человеческие поступки сияли куда ярче, чем сияют звезды самой темной ночью.

Веор – рыжебородый здоровяк, буквально свалившийся мне на голову с неба, – вел людей через йотун знает какими тварями заполненные земли на востоке. И не потому что ждал награды – просто вряд ли мог поступить иначе. Есугей сошел с ума и собирался убить меня, чтобы завладеть драгоценными осколками, – но все-таки нашел в себе достаточно воли и отваги и вместо этого спас мне жизнь ценой своей. Бессмертная богиня спустилась из Небесных Чертогов на землю, чтобы убересть нескольких чужих детей... и одного бестолкового Видящего, сдуру схватившего непосильную ношу. Темуджину достаточно было сказать всего одно слово – и Джаргал отправил бы Вацлаву мою голову на пи-

ке, но юный хан сдержал слово, данное еще его отцом... И только Великое Небо знает, чего это будет ему стоить.

Шестеренки Рагнарёка уже раскрутились, взбивая тягучее бытие этого мира, – и все, что до этого пряталось где-то в глубине, теперь поднялось на поверхность. И в этом омуте водилось не только плохое. Серый мир стремительно терял свои пятьдесят оттенков, делился на белое и черное и неизбежно ставил каждого перед выбором.

Кто ты? С кем ты? И на чьей стороне будешь, когда снега севера начнут таять от горячих ветров, которые дуют с юга?

И мне хотелось думать, что я все-таки выбрал верно. И если не добро, то хотя бы меньшее из зол.

– Видимо, ко мне вернулась вера в людей. – Я отодвинул опустевшее блюдо. – Для начала в тех, кого сгенерировала Система Романова... Но раз уж так – может, и настоящие на подходе?

– Настоящие такие же. – Катя махнула рукой. – Люди как люди. И милосердие иногда стучится... куда-то там. Но только иногда.

– Цитируешь классиков? – усмехнулся я.

– Классик не ошибся. Люди не меняются, и те, что в игре, от нас ничем не отличаются. Бывают плохими... иногда хорошими, но чаще все-таки плохими. – Катя покачала головой. – И поэтому я им не доверяю.

Мне показалось, что солнце за окном вдруг потускнело.

– Кать, что на тебя нашло? – Я осторожно погладил ее

пальцы. – Уж чего-чего, а идеализма в тебе всегда было побольше, чем у меня.

– Может, и было, Антон, – вздохнула Катя. – Но как-то поубавилось. А в последнее время мне кажется, что все, что мы делаем, – не то и вообще ерунда.

– Добро пожаловать в мой мир, Катюш. – Я выпустил ее руку и откинулся на спинку кресла. – Не то и вообще ерунда... Мне все время так кажется. Но что поделаешь – прятаться в кусты надо было раньше.

– А я переживаю. – Катя подалась вперед. – За тебя. Потому что ты упрямый, как горный баран, и не уступишь.

– А надо? – проворчал я.

– Я не знаю. Но вижу, чего тебе все это на самом деле стоит. И как ты ходишь умываться по ночам. – Катя посмотрела мне прямо в глаза. – И часто у тебя идет кровь из носа?

– Не очень. Можешь не волноваться – этот бардак со «Светочем» закончится раньше, чем вирт-синдром устроит мне инсульт. Мне все-таки тридцать лет, а не семьдесят.

– Мозги убивает не только инсульт, Антон. – Катя снова поймала мою руку. – Хотела бы я знать, чем все закончится... Но ничем хорошим точно!

– Предпочитаю думать, что это пока еще зависит от меня. И...

– Я в это уже не верю, Антон! – Катя огляделась по сторонам. – Ты не думал, что все это – не просто так... не случайно?

– Кать, я ЗНАЮ, что все это не просто так и не случайно, – ответил я. – Система...

– Да при чем здесь Система! – Катя тряхнула головой. – Алекс! Посмотри, кому достались осколки. Ты, я, Олег...

– Конунг Рагнар, дочь ярла и хан Есугей, – тут же встрял я. – Остальных – извини – не знаю.

– Персонажи. – Катя на мгновение задумалась. – Но «Свечеч» не та игрушка, которую можно доверить НПС. Его явно создавали для живых людей.

– О'кей. Забыл Павла Викторовича – пара осколков наверняка у него. – Я пожал плечами. – А какая, собственно, разница?

– Не знаю. Но она, думаю, есть, – отозвалась Катя. – Подумай сам, Антон: Алекс избегает осколков, и они каким-то странным образом попадают к другим людям. Настолько разным... Пол, возраст, социальное положение, жизненный опыт – ничего общего!

– Ничего общего? И в этом, по-твоему, какой-то подвох? – Я потянулся за чашкой с кофе. – Кать, очень сложно искать черную кошку в темной комнате. Особенно когда ее там нет. Я отыскал свой первый осколок совершенно случайно.

– Ты уверен? – Катя улыбнулась одними уголками губ. – Вспомни хорошенько, Антон.

Глава 6

– Вспоминаю, – проворчал я.

Высадка на южной оконечности Барекстада. И дальше – пешком на север с Айной и Странником-Ингваром. По маршруту, который мне совершенно точно никто не навязывал... Впрочем, другого пути до Фолькьерка не могло быть в принципе – мы просто тащились по дороге вдоль берега, пока не наткнулись на хижину старого хитреца Виглафа-Гисли. Хотя по воде, пожалуй, вышло бы даже чуть быстрее – под парусом, срезая все корявые фьорды и скалы. И если бы Ингвар своим колдовским ветром не угробил лодку Айны на камнях...

Да твою же ж!

– Вспомнил... что-нибудь? – поинтересовалась Катя.

– Может быть. – Я потер глаза. – А может, и нет. Но из-за тебя мне теперь мерещится даже больше заговоров, чем есть на самом деле.

– Ну... Если у тебя нет паранойи – это не значит, что за тобой не следят. – Катя отпила остывший кофе. – Я и сама не уверена...

– Да нет, звучит разумно, – отозвался я. – Только, может, все-таки изложишь всю свою теорию целиком и с самого начала?

– Да нет никакой теории, Антон. – Катя пожала плеча-

ми. – Вернее, только первая ее часть: Алекс говорит всем, что «Светоч» очень важен и нужен, – но сам по каким-то причинам предпочитает его не трогать. И так было с самого начала.

– Да? Я думал, твой осколок как раз от него. Ты ведь так и не рассказала...

– Я тоже так думала. Алекс знал, где его взять, – но отправилась туда я сама. И там... познакомилась с Мигелем. – Катя махнула рукой. – В общем, это долгая история. Так осколок и оказался у меня – и отдать его было по понятным причинам просто некому.

– Ведь сам демиург сидел взаперти без возможности выйти в игру... или почти без возможности, – догадался я. – И тогда ты решила, что станешь его глазами и руками в вирте.

– Ага. – Катя улыбнулась. – Ну как же иначе? Плохие дяди, которые хотят поработить хрупкий мир, и только Алекс встает у них на пути. Одинокий, стареющий, лишенный всего...

– Крепко же он тебя взял... Хотя не только тебя, что уж там. – Я потянулся за меню – разговор, похоже, затягивался. – Ты что, в него втрескалась?

– Немножко. – Катя прикрыла один глаз и склонила голову набок. – Видимо, мне нравятся одинокие упрямые герои – и ничего не могу с собой поделать.

– Ну спасибо, – рассмеялся я. – Ты еще кофе будешь?

Несколько минут мы сидели в тишине. Я пытался раскру-

тить шестеренки в голове до рабочих оборотов, а Катя просто не мешала. Видимо, решила, что сказала уже достаточно, чтобы дальше я думал сам.

– И так ты стала одной из тех, кому достался осколок. – Я постучал по столу кончиками пальцев. – А Алекс не забрал его ни тогда, ни позже – даже когда ему уже ничто не мешало. И, подозреваю, так и не оставил никаких инструкций.

– Именно, – кивнула Катя. – А я отдала тебе.

– Олег тоже. – Я вспомнил, как прибил нашего немногословного товарища копьём к дереву. – Хоть и не совсем добровольно. Но самый первый я просто нашел... Или не просто.

– Антон, это вообще неважно. – Катя покачала головой. – Сейчас – уже неважно. Случайности иногда происходят, но даже их Алекс умеет обратить на пользу себе.

Похоже на правду – слишком уж быстро меня взяли в оборот после того, как я забрал рукоятку «Светоча» из кургана Ульва Рагнарсона. И Катя верно сказала: так ли важно, когда именно я стал частью хитрого плана – именно тогда или еще раньше?

Когда Ингвар посадил лодку на камни.

Когда я подобрал его на острове Виг вместо того, чтобы укоротить на голову.

Когда свалился за борт и утонул, чтобы ожить в нужном месте в нужное время.

Когда отправился на север, чтобы отыскать там «Волков».

Когда Славка сидел у меня на кухне с бутылкой пива, расписывая все прелести легкого заработка на просторах виртуальных морей.

– Кать, у меня сейчас кукуха поедет. – Я потрянул головой. – Ну нельзя же так с человеком.

– Извини. – Катя помассировала виски. – Просто не могла... не поделиться, так сказать.

Итак, что мы имеем? Несколько игроков так или иначе получили по осколку «Светоча». Я, Катя, Олег. Самого Романова можно из схемы исключить – он явно предпочитает действовать чужими руками и уже давно самоустранился из гонки. И совершенно сознательно. В срезе Катиной теории все его разговоры о «нет времени и сил» звучат, мягко говоря, неубедительно.

Ошкуя – самого странного из всех, кого мне пришлось встретить на просторах «Гардарики», – тоже можно не брать в расчет. У скальда наверняка целый ворох собственных тайн, но к «Светочу» они, похоже, не имеют никакого отношения. Он подержал осколок в руке – но только для того, чтобы отдать мне. Выключился, не успев или не пожелав поучаствовать в борьбе за всевластие.

И – вполне возможно – оказался умнее всех.

А вот Павел Викторович, будь он хоть сто раз крутым и серьезным дядькой, теперь с нами в одной лодке. Романов переиграл его – заставил залезть в вирт лично и стать одной из марионеток. Самой солидной и увесистой, выстроганной

из дорожущего дерева и облаченной в костюм от топового бренда – но все же марионеткой. Такой же, как и все остальные.

А кукловод недосыгаем – прячется за порогом самой смерти, как за занавесом под потолком, и лишь дергает за ниточки, заставляя кукол выкидывать потешные коленца, отплясывать и играть пьесу, финал которой уже давным-давно прописан в сценарии.

Знать бы только, что за финал. И, собственно...

– Зачем? – Я высыпал сахар в свежий кофе. – Алекс придумывает какой-то демонически сложный план, использует всех вслепую, подкидывает легенду за легендой, раздает совершенно разным людям по куску ключа от его Системы с бессмертием, приправляет все это кучей намеков – но в конечном итоге просто наблюдает. Зачем ему это, Катя?

– Откуда мне знать, Антон? – вздохнула Катя. – Он не посвящал меня в свои планы. Во всяком случае – в свои НАСТОЯЩИЕ планы. Наверняка даже сейчас мы и близко не раскусили его до конца.

– Наверняка. – Я глотнул кофе. – Но это уж точно неспроста... Вот бы узнать, как Олег получил свой осколок.

– Так он тебе и рассказал, – усмехнулась Катя. – Конспирации у него мог бы поучиться даже Алекс.

И здесь она права. Олег – та еще шкатулка с секретами и просто так не откроется. А лезть силой точно не стоит. Одному Всеотцу известно, что может скрывать тот, кто с камен-

ным лицом способен прострелить ногу человеку или удрать от погони на джипе – но боится остаться один в темноте.

Остается Романов. Он-то уж точно знает ответы на все вопросы... Только не скажет. Кукловоды не делятся своими планами с марионетками – даже с самыми удачливыми, собравшими семь драгоценных кусочков из семи.

Девочка-доктор с горячим сердцем и чистыми руками. Специалист из неназываемой конторы, когда-то получивший едва совместимые с жизнью раны. Всемогущий председатель совета директоров огромной корпорации. Может быть, кто-то еще – незнакомый, но уже выбывший из гонки.

И я – оставшийся без работы тридцатилетний писатель.

Зачем мы Романову? Что он задумал и куда ведет меня, как осла морковкой приманивая очередным суровым и беспощадным «надо»?

Или очередной «правдой». Сколько раз я уже думал, что на этот раз уже точно докопался до истины? Сначала Славка затащил меня в вирт, чтобы срубить легких денег. Потом мне в руки попал первый осколок – и началась большая игра. Великая битва за светлое будущее созданного Романовым мира с живыми персонажами. А потом она вдруг сменилась на борьбу за будущее мира уже настоящего.

Цифровое бессмертие – преждевременный подарок для человечества – непременно нужно спрятать, похоронить в Системе, а саму Систему запереть и выкинуть ключ. Важная и однозначно разумная и правильная цель, только ради

которой и стоит бороться за абсолютную власть над миром «Гардарики». Романов подбросил ее мне, сорвав очередной покров – йотун знает какой по счету.

«Та самая настоящая правда» все больше напоминала луковицу из старой детской загадки. Снимешь одну – а под ней вторая, третья... Так с чего я взял, что эта – последняя?!

– Сидит дед – в сто шуб одет, – произнес я.

– А кто его раздевает – тот слезы проливает, – закончила за меня Катя.

Не знаю, догадались ли, к чему я вспомнил бессчетные шубы лукового деда, – но подметила верно: ничего хорошего во всем этом мне не светит. И «царя горы» ждет вовсе не трон где-то на верхушке Иггдрасиля и сотня красоток в кольчужном бикини, а что-то куда менее заманчивое. Самые умные уже сообразили – и успели спрыгнуть с поезда, который на всех парах летит к обрыву.

Остались только упрямые бараны.

Странно, но почему-то именно эта мысль и разложила все по полочкам – снова. И на этот раз, похоже, окончательно.

– Значит, я раздenu деда до конца. – Я жестом подозвал официанта. – И посмотрю, что он прячет под шубой.

– Тебе так интересно? – фыркнула Катя.

– А знаешь, интерес тут ни при чем. – Я достал из кармана купюру. – И Алекс тоже ни при чем. Просто у меня там теперь есть друзья, и я постараюсь сделать для них все, что смогу.

– А если именно этого Алекс от тебя и ждет?

– Значит, именно этого и дождется. – Я пожал плечами. – Мне все равно. Я не собираюсь даже попробовать переиграть его в этих играх. Просто поступлю так, как сам считаю правильным. И пошло оно все куда подальше.

– Понятно. Значит, шашку наголо – и на танк, – вздохнула Катя. – И что я в тебе вообще нашла?

– Ну, зато теперь у меня хотя бы есть цель в жизни. – Я поднялся с кресла и протянул ей руку. – И очень много ответственности... Звучит?

– Еще как. – Катя улыбнулась. – Ты хотя бы найдешь для меня немного времени перед тем, как опять уйти... туда?

– Найду. – Я легонько прижал ее к себе. – А Рагнарёк подождет.

Глава 7

– Не спишь, княже?

В дверях показалась приземистая кряжистая фигура с лучиной в руках. А следом за ней еще одна – повыше, но почти не уступающая первой шириной могучих плеч. Ладонь Вацлава сама нащупала рукоять меча. Сжала – и тут же отпустила. Княжеский дом охраняли те, кто бежал с ним из Прашны, – и они не проспали бы врагов.

Но эти двое ночных гостей не враги. Скорее наоборот: только им здесь и можно верить. Не так, как своим людям, – но все-таки верить. А это уже немало.

Особенно сейчас.

– Не сплю.

Вацлав откинул меховое одеяло и спустил ноги на пол. Ступни не почувствовали холода – очаг внизу, в гриднице, не потухал ни днем, ни ночью. Здесь куда теплее, чем дома. В огромном каменном замке Прашны зимой вода иной раз замерзала в ведрах даже в покоях отца, и маленькому Вацлаву приходилось кутаться в несколько одеял разом и не отпускать слугу – тот всегда приносил отвар из корней, который согревал и в самый лютый мороз...

– Беда, княже. – Ратибор повыше поднял лучину, освещая дальние углы. – Было нехорошо, а теперича совсем худо стало. Вести пришли...

– Ярослав? – догадался Вацлав. – Опять?

– Нет. В двух днях пути отсюда видели северян.

Конунг Рагнар прикрыл дверь и тоже приблизился. Огромный и косматый – похоже, не стриг волос еще с тех самых пор, как приплыл в Вышеград из-за Большого моря. Поначалу Вацлав опасался могучего северянина, но тот умел унять свой нрав, хоть иной раз это давалось ему не без труда.

Он ведь тоже потерял свой дом – но если в Прашне теперь сидят предатели из плоти и крови, то острова на севере у Рагнара отобрала беспощадная стихия. Даже самым острым мечом не победить холод, от которого в жилах стынет кровь, а птицы падают на землю прямо на лету.

– Северян? – Вацлав покачал головой. – Ты никуда не отсылал своих людей, конунг?

– Нет. – Рагнар сложил на груди могучие ручищи. – Мой хирд нужнее здесь, князь. Одному Всеотцу известно, сколько у нас врагов даже в этих стенах.

– Гонец разве не от самого Товира прискакал, – снова заговорил Ратибор. – Говорит – с круглыми щитами пожаловали, да сразу две деревни разорили. Сvei, не иначе.

– Сивый. – Рагнар сжал руку в кулак. – Только тот, у кого нет чести, воюет с безоружными.

– Мой дядя захватил Прашну по сговору с северянами. – Вацлав тряхнул головой, прогоняя остатки сна. – И проход в эти земли открыт. Но если бы Сивый желал ударить внезапно, первой пошла бы конница. Всадники куда быстрее пехо-

ты, и их у него достаточно – половина имперских баронов теперь служит конунгу.

– Всадники хороши на суше, – усмехнулся Рагнар. – Но по воде драккары идут быстрее самого резвого скакуна.

– Далече от моря Товир. – Ратибор закусил длинный седой ус. – Речка есть, да только волока до нее нет. Выходит, не на ладьях свеи пришли – посуху.

– Но Прашна слишком далеко. – Вацлав на мгновение задумался, вспоминая знакомые дороги по эту сторону гор. – На тракте большой отряд заметили бы давно. Они пришли по воде.

– Море у берегов уже закрывает лед. – Рагнар привалился спиной к стене. – Даже если драккары успели пробиться до холодов – обратно им уже не вернуться. Сивый отправил своих людей на смерть.

– Или настолько уверен в своих силах, что не боится нападать в двух днях пути от Вышеграда. – Вацлав повернулся к Ратибору. – Твой гонец сказал, сколько было северян?

– Да разве ж считал кто, княже? – отозвался воевода. – Два раза по сто будет, а может, и поболее. Князья говорят – выступать надобно.

– И теперь я с ними согласен. – Рагнар сердито засопел. – Много ли пользы от самого большого войска, если оно не может защитить свои земли?

– А ты что думаешь, Ратибор Тимофеич? – спросил Вацлав.

– Сам Ярослав не люблю – больно лается громко... Громко да без толку. Не было у Мстислава Радимича дружбы с ним, и у тебя не будет, княже. – Ратибор протяжно вздохнул. – Да только дело говорит. Те деревни Товиру дань платили, а ты теперь, выходит, над всеми землями скловенскими старший – тебе и оборонять.

– Значит, выступаем на рассвете. – Вацлав потянулся за рубахой. – Скажи князьям, пусть дружина седлает коней. Я возьму половину своих людей и еще сотню из Вышеграда, и пусть остальные соберут столько же.

– Я с тобой, князь. – Рагнар оттолкнулся спиной от бревен стены и шагнул к двери. – Предатели заплатят за то, что склонились перед Сивым.

– Нет. – Вацлав вскочил с постели и поймал конунга за локоть. – Твои люди не обучены биться верхом, а я пойду быстро, налегке – одним конным отрядом. Мы застанем северян врасплох!

Рагнар сердито сверкнул глазами, но возражать не стал. Видимо, сообразил, что за конницей его хирду не угнаться. И хорошо – пусть лучше присмотрит за городом. В последние дни тесновато стало не только в детинце, но и за стенами – народ речками и ручейками стекался под защиту князя. По большей части с юга, разоренного булгарами, – но немало было и тех, кто пришел с востока. И они иной раз рассказывали такое, что даже выдавшие виды рыцари из отряда Вацлава охали и вспоминали и Двуетиного, и старых богов

разом.

– А ты подожди, – окликнул князь Ратибора, когда шаги Рагнара стихли на лестнице.

– Чего надобно, княже? Чего велишь?

– Скажи князьям, пусть собирают своих людей. – Вацлав нашарил ногами башмаки. – Но сначала отыщи человека по имени Слав. Я желаю говорить с ним.

– Слава-стрельца, которого еще хевдингом кличут? – удивился Ратибор. – Знаю такого... Не нравится он мне, хоть и слова худого про него не скажу. Тихушник, завсегда ходит будто прячется, аки тать... Да зачем он тебе, княже?

– Надо. – Вацлав застегнул пряжку на поясе и поправил ножны с мечом. – Ты сделай, как прошу, Ратибор Тимофеич, Слав-стрелец быстрее любого Антору весть доставит – так он мне сам сказал.

– Опять ведовство какое, не иначе, – проворчал Ратибор. – Да тебе виднее, княже. Что повелел – исполню.

* * *

Слав [ЛИЧНО: Антор]: Абрикосище, вот так прямо и выступать? И тебя не дожидаться? Оо

Антор [ЛИЧНО: Слав]: А какие варианты?

Слав [ЛИЧНО: Антор]: Тоже верно. Если затянуть – точно бунт начнется.

Антор [ЛИЧНО: Слав]: Так себе обстановочка. В общем,

направляй эту самую энергию в мирных целях. Пусть лучшие воюют с Сивым, чем между собой.

Слав [ЛИЧНО: Антор]: Непонятки с этим десантом, конечно..... =/

Антор [ЛИЧНО: Слав]: Чего это?

Слав [ЛИЧНО: Антор]: Да я тут пошерстил по своим каналам – и никто ни сном, ни духом. Сивый пока остатки Империи давит, даже до Прашины толком не добрался. А откуда эти хмыри – вообще неясно. Но не клановые, кажись. Муть, в общем(((

Антор [ЛИЧНО: Слав]: Муть. Надо бы разведать.

Слав [ЛИЧНО: Антор]: Ну – я как только, так сразу, абрикосище. Ты-то там как?

Антор [ЛИЧНО: Слав]: Пока не помер.

Слав [ЛИЧНО: Антор]: Уже хорошо. Ладно, бывай, болгарин хренов =Ъ

– Антор... Антор-багатур!

Темуджин подобрался так тихо, что я едва не подпрыгнул. Вот уж не думал, что пацан отыщет меня здесь, в паре сотен шагов от лагеря, да еще и в полной темноте... Впрочем, чему удивляться? Он унаследовал отцовский дар – и если еще не освоил «Истинное зрение», то уж точно мог почувствовать меня даже издалека. Я не прятался.

– Что ты делаешь здесь? Разве твое место не рядом со мной, в большом шатре?

В голосе Темуджина прорезались властные нотки. Юный хан не спрашивал – скорее требовал, чтобы я был там, где следует.

– Иногда мне нужно побыть в тишине, – негромко отозвался я. – Среди юрт и шатров слишком много шума.

– Ты разговаривал с духами? – Темуджин огляделся по сторонам. – Они сейчас здесь?

– Нет. – Я покачал головой. – Я разговаривал с тем, кто сейчас очень далеко отсюда. Но он слышал меня не хуже, чем ты, хан.

– Ты сможешь научить меня этому, Антор-багатур? – Темуджин подошел чуть ближе. – Я почувствовал тебя издалека... но говорить бы не смог.

– Такой дар подчинится не каждому, хан. Даже самые сильные из воинов духа...

– Я смогу! – Темуджин обиженно засопел и плюхнулся на траву рядом со мной. – Тогда мои воины будут слышать меня даже в бою!

– Всему свое время. Имей терпение, хан.

– Ты обещал отцу, что будешь учить меня, – пробурчал Темуджин. – Когда мы начнем?..

– Позже, хан. – Я полез в инвентарь за соколиными крыльями Ванадис. – Сейчас я должен покинуть тебя и поспешить на север.

– Зачем? Разве ты не должен быть здесь, со мной?

– Да, хан. Я поклялся твоему отцу защищать вас с мате-

рю, – отозвался я. – Но даже мне не под силу быть в двух местах разом. И моему князю я сейчас нужнее, чем тебе.

– Откуда ты знаешь? – вздохнул Темуджин. – Мой народ мне не верит. Ты убил Джаргала – но и без него найдется немало тех, кто пожелает силой взять у твоего князя то, что ты обещал отдать миром. Если бы я был постарше...

– Не все можно решить саблей, хан. Даже если ты владеешь ей лучше любого под Великим Небом. – Я легонько коснулся ножен на боку. – Власть правителя не может держаться лишь на силе его клинка. Ты еще юн, но твой ум острее, чем у многих из тех, кто носит на голове серебро седин.

– Но что я могу сделать, если тебя не будет рядом? – Темуджин подтянул колени и уперся в них подбородком. – Что я скажу своим воинам?

– Правду, – ответил я. – Ты – сын своего отца. Твои враги падут, а в юртах будет достаточно пищи для всех. Ты поведешь своих воинов в бой. Одна победа – и никто больше не усомнится, что ты по праву называешься великим ханом всего народа степей, и войско пойдет за тобой хоть в бесконечную степь – если на то будет твоя воля!

– И когда же случится эта победа, Антор-багатур? Здесь моим воинам сражаться не с кем.

– Имей терпение, хан. – Я поднялся на ноги и потрепал Темуджина по плечу. – И случится все, чего ты пожелаешь.

– И я тоже смогу летать, как птица? Ты сможешь научить меня?!

Какой нетерпеливый.

– Может быть. – Я рассмеялся и активировал артефакт. –
Ничего не бойся, хан, – и почаще смотри на север. Если тебе
понадобится помощь – я приду!

Глава 8

Здесь их, похоже, ждали. Крохотная деревенька – пяток приземистых домишек и столько же сараев с курами, козами и коровами – казалась чуть ли не заброшенной. Никаких следов на недавно выпавшем снеге или шума. Если бы не дымок над крышами, ее и вовсе можно было бы не заметить...

Как знать – может, и к лучшему.

Обе деревни к северу сдались почти без боя. А эта вдруг огрызнулась – и огрызнулась так, что четверо из хирда отправились к Всеотцу в Небесные Чертоги. То ли местные оказались покрепче своих сородичей, то ли кто-то из правителей уже прознал про драконоголовые корабли, пришедшие с холодного моря. И отправил своих людей.

Слишком уж хорошо они сражались, защищая свои убогие хижины. И слишком уж крепкие у них оказались мечи и кольчуги. У простых землепашцев таких не бывает.

– Славная битва, друг мой. – Один из хирдманнов вышел из дома на улицу и бросил в снег еще теплую козью тушу. – Богам не было угодно дать нам богатой добычи – зато они послали нам храбрецов, чтобы испытать нас!

– Сейчас я бы скорее желал найти побольше припасов, чем славы.

Халвард по прозвищу Левша устало привалился спиной к холодной стене и сбросил щит. С правой руки – так он сра-

жался столько, сколько себя помнил. И немного отыскалось тех, кто успевал встретить удар с непривычной стороны. Когда-то Халвард считал это особой благодатью Тира, которому тоже пришлось однажды взяться за меч левой рукой.

Но теперь впору подумать, что это не дар, а проклятие – раз уж Халварду суждено было бежать с родных островов, видеть смерть отца и оказаться здесь. На чужой земле, с которой уже не уйти. Даже если никто не отыщет на берегу драккары, им все равно уже не выйти в море, волны которого сковала вечным льдом Фимбульвинтер – зима великанов из древних сказаний о Рагнарёке. Холод уже захватил Эллиге, а скоро придет и сюда.

Но Халвард этого уже не увидит – если Всеотцу будет угодно подарить ему славную смерть. И когда Хеймдалль затрубит в свой рог и откроются все пятьсот сорок врат Небесных Чертогов, он встанет плечом к плечу с павшими друзьями, чтобы вместе встретить полчища ледяных великанов...

– Верно, – проворчал хирдманн. – Если так пойдет и дальше, уже скоро нам будет нечего есть.

– Так разве нам есть кого винить, – раздался недовольный голос, – кроме тебя, Халвард Левша?

Гилмор шагнул вперед и сердито отшвырнул полупустой мешок – похоже, на этот раз добычи ему почти не досталось. Те, кто не идет в бой в первых рядах, а прячется за щитами и спинами других, всегда забирают лишь остатки – таков древний обычай северян.

Но имперец не привык добывать свой хлеб грабежом. Он всю свою жизнь ходил под парусом торгового корабля и даже на Ллохес Ар-и-Мор остался тем же, кем был раньше.

– И в чем же моя вина, Гилмор, прозванный Беззубым? – усмехнулся Халвард.

– Это ты привел нас сюда! – Бывший имперский торговец пнул собственный мешок. – Это по твоей милости наши корабли теперь среди льдов, а сами мы голодаем, пока славные воины едят и пьют за столом конунга Сивого и...

– Я не звал тебя с собой! – Халвард шагнул Гилмору навстречу. – Ллохес Ар-и-мор был домом вольного народа – и каждый сам выбрал свой путь, когда с севера пришел холод. У меня нет зла на тех, кто пожелал предложить свои мечи Сивому, – так почему же ты не среди них, Беззубый?

– Откуда мне было знать, что Сивый так быстро управится с войском Императора? – проворчал Гилмор. – Раньше на тех землях меня бы вздернул первый же барон, которому я бы попался на глаза!

– И ты сам пошел за мной. – Халвард пожал плечами. – И сам назвал меня ярлом, как и многие из тех, кто теперь жалеет об этом.

За спиной у Гилмора уже собралась толпа в две дюжины человек. По большей части из тех, кто сбежал от суда Императора... Но Халвард видел и других. Рожденных севером и когда-то не пожелавших склониться перед Серым Медведем.

Что же с ними случилось? Когда отважные воины и море-

ходы, больше жизни ценившие свободу, успели превратиться в трусов, готовых продать свои мечи и верность за кружку медовухи и миску похлебки?

– Ты не говорил, что мы станем грабить деревни, – прошипел Гилмор. – Ты обещал, что мы будем служить истинному конунгу. И где же он, Халвард Левша?!

– Лучше бы тебе помолчать, Беззубый. – Кто-то из северян – еще из тех, кто вместе с отцом бежал со Скагена два года назад, – сплюнул в снег. – С конунгом или без него, мы живем так, как жили наши предки. И умрем так же, как умирали они, – вдали от родных фьордов, но укутанные славой. У Всеотца еще достаточно места в его Чертогах, и эйнхерии назовут братьями тех, кто...

– Ты так спешишь умереть? – огрызнулся Гилмор. – Не лучше ли предложить свою верность тому, кто может накормить своих людей и заплатить...

– Ты хочешь, чтобы я назвал себя человеком конунга Сивого? – Халвард сложил руки на груди. – Чтобы мы пошли на запад и продали свои мечи за золото из сундуков Императора?

– Разве мудрый не поступил бы так? – Гилмор хлопнул себя по бедрам. – Разве твоим богам есть дело до того, какому из конунгов ты служишь? Любой клятве есть свой срок, Левша!

– Богам есть дело до всего, глупец, – проговорил Халвард. – Мой брат ушел с сыном Серого Медведя, которого

я назвал своим конунгом. Но даже будь он здесь – сам пристыдил бы меня, пожелай я склониться перед Сивым. Разве ты не видишь, что происходит, Беззубый? – Халвард развел руками в стороны. – Холод с каждым днем все сильнее. Этому миру суждено погибнуть, и день Рагнарёка уже близко – и лишь из-за того, что и люди, и бессмертные боги нарушили свои клятвы... Слишком часто мы забывали тех, кому обещали служить. Но больше этому не бывать. Ты волен поступить, как хочешь, – но я не предаю Рагнара Бьернсона!

– Тогда ты даже глупее, чем...

Договорить Гилмор не успел. В воздухе что-то свистнуло, и под жиденькой бородкой у него вдруг выросла длинная стрела с черно-красным оперением. А потом раздался грохот, и Халвард увидел, как из-за деревьев в сотне шагов от крайнего дома появляются всадники. Совсем не похожие на местных вояк: в черных доспехах, украшенных золотом, со странными треугольными щитами и огромными мечами – заостренными и раза в полтора длиннее клинков, что ковали на Эллиге.

Дюжина конных воинов, две, три... Они мчались прямо на сгрудившихся среди домов северян, и их с каждым мгновением становилось все больше.

Похоже, Всеотец услышал молитвы Халварда – и, наконец, решил подарить ему то, о чем он давно просил.

– Встать в строй! – заорал Левша, вырывая из ножен меч. – Стена щитов! Боги с нами!

– Недалече уж, княже. – Ратибор чуть согнулся в седле, будто пытаясь разглядеть что-то за засыпанными снегом еловыми ветками. – Чую свеев, у меня на них нюх особый. Да и некуда тут идти больше...

– Откуда знаешь? – поинтересовался Вацлав.

– Одна здесь с севера дорога, княже. – Ратибор вытянул руку к просвету между деревьями. – Вдоль речки как раз и будет, у которой свеи две деревни спалили. Чтоб им пусто было, поганым...

– Может, твой гонец врет? Люди напуганы. Они могли увидеть дюжину беглых дружинников из южных городов и принять их за целое войско северян.

Вацлав заерзал в седле, усаживаясь поудобнее. Он уже два дня толком не смыкал глаз, охотясь за неведомыми грабителями, пришедшими с севера, – но так и не увидел хотя бы одного. Только убитых и сгоревшие дома... И пусть деревни не сгорают сами по себе, не могло же целое войско пройти от самого моря сюда, вглубь скловенских земель.

А если и могло – Вацлаву не так уж сильно хотелось с ним встречаться. Князья собрали вдвое меньше людей, чем обещали, и треть дружины пришлось отправить на юг – навести порядок на разоренных булгарами землях у Круглицы. И если случится сражаться сейчас, когда от трех сотен всадников

осталось едва ли полторы...

– Да как не свеи, княже? – Ратибор тряхнул седой бородой. – Щиты круглые, мечи – один в один как у Рагнара-кунунга. Свеи и есть! Слав-стрелец их своими глазами видел!

– А где он сам-то? – проворчал Вацлав.

– Я здесь, князь.

Высокая фигура в плаще с капюшоном показалась из-за деревьев. В Прашне такими обносками побрезговали бы даже попрошайки, но следопыт со странным именем Слав никогда не носил ничего другого. Видимо, такая одежда помогала ему прятаться в лесу... Хотя скорее уж он владел каким-то особым колдовством, сделавшим его шаги неслышными. Вацлав мог поклясться, что еще мгновение назад среди ветвей не было никого. Под сапогами Слава не шумел даже скрипучий снег, и он каким-то чудом всегда успевал следовать за дружиной и появляться по первому зову Вацлава.

Хоть князь и не мог припомнить, чтобы видел следопыта верхом на лошади.

– Где же твои северяне? – проворчал Вацлав. – Ты говорил...

– Впереди. Там небольшая деревня. – Слав вытянул руку и указал куда-то на верхушки елей. – Они убили жителей и теперь заняты грабежом. Мы застанем их врасплох, князь.

Ратибор тихо выругался в бороду, и Вацлав заметил поднимавшийся над кромкой леса дым. Слишком густой и черный, чтобы идти от очага.

Где-то в паре сотен шагов от реки горели дома.

– Сколько их там? – Вацлав не без труда подавил желание тут же сорваться в галоп. – Ты видел?

– Чуть больше сотни, князь, – отозвался Слав. – Они не успеют даже взяться за оружие... если мы не будем шуметь.

– Веди! – Вацлав пришпорил коня. – Показывай дорогу!

Глубокой снег глушил топот копыт, и все же полторы сотни всадников не могли двигаться беззвучно. То у одного, то у другого звенела сбруя или негромко бряцали доспехи – и тогда шагавший впереди следопыт оборачивался и грозно зыркал на князя.

Горьковатый запах гари уже давно щекотал ноздри, будто подгоняя и заставляя хвататься за меч, но теперь к нему примешивался и другой. Сладковато-терпкий, чуть отдающий железом...

– Тьфу, зараза... – Слав припал на одно колено и сорвал со спины длинный – почти в человеческий рост – лук. – Заметили. Давай, князь!

Вацлава не пришлось просить дважды. Слишком долго он гонялся по лесу за этими проклятыми северянами. И если уж пока не суждено угостить сталью самого конунга Сивого и предателя-дядю, самое время взяться за тех, кто им служит.

– Вперед! – заорал Вацлав, приподнимаясь на стременах. – Мечи к бою!

Деревенька появилась из-за заснеженных елочек неожиданною. Просто вдруг возникла прямо на пути и будто сама

прыгнула под копыта коней вместе с мечущимися фигурками. Два или три десятка северян уже успели сомкнуть круглые цветастые щиты, но остальные только бежали, спешили занять свое место в строю.

Не выстоят! Ну никак не выстоят – дружинники Вацлава уже развернулись для удара, и казалось, нет той силы, что его выдержит. Сам князь рванул из ножен тяжелый меч, чтобы первым вступить в бой...

И не успел. Где-то над головой раздался пронзительный крик, и с неба прямо в снег под копыта коня упала крупная пестрая птица. Упала, гулко ударилась об землю – и исчезла, разбрасывая в разные стороны целый ворох перьев.

И вместо нее навстречу князю из сугроба поднялась фигура в черных одеждах.

Глава 9

Вацлав едва ли успел узнать меня – как и те, кто скакал с ним рядом. И воины из Прашны, и Вышеградские дружинники приготовились рубить все на своем пути, и никакая сила уже не смогла бы остановить взметнувшиеся перед ударом клинки. С одной стороны на меня неслась стальная лавина конницы, с другой встала стена круглых щитов. Едва ли Халвард надеялся выиграть этот бой – но северянин скорее погибнет, чем станет просить пощады.

Даже тот, что уже давно покинул родные земли и нашел приют на затерянном в Большом море острове Ллохес Ар-и-мор. Видимо, беспощадный холод с севера уже добрался и до обители вольного народа, и пиратам, контрабандистам, нечистым на руку купцам и прочей сомнительной и разномастной шушере пришлось бежать – так же, как и скандам с Эллиге.

Кто-то наверняка поспешил вернуться на родину в Империю, кто-то – предложить свои корабли и мечи новоиспеченному конунгу Сивому. Наверняка вести о его славе успели дойти до Ллохес Ар-и-мор задолго до армады северян – слухи летят по воде куда быстрее драккаров... Особенно когда повсюду есть те, кто может просто взять и прочитать форум.

Халвард и его люди выбрали третий путь. Безнадежный и почти самоубийственный: уйти на восток, в земли склафов,

бросив на закованном льдом побережье корабли. Чтобы среди чужих лесов и полей отыскать того, кому поклялись служить, – истинного наследника уже павших под поступью холода островов Эллиге.

Или встретить славную смерть с оружием в руках и в день Рагнарёка сражаться бок о бок со славными предками в последней битве этого мира.

Я не успел отыскать глазами Халварда среди тех, кто укрылся за щитами, – но даже в птичьем облике почувствовал. И самого предводителя северян, и исходившую от него глухую тоску. Они готовы были умереть.

Но их время еще не настало.

Я поднялся из снега, сбросив уже вросшее в плечи оперение, – и тут же опустил вниз кончик посоха. Он пронзил сугроб и ударил прямо в землю – и во все стороны от меня брызнуло первозданное пламя. Огонь Сварога хлестнул по всем разом. Лошади поднимались на дыбы, едва не сбрасывая полуослепших от вспышки воинов, и даже непроницаемая стена щитов дрогнула.

– Хватит! – заорал я, снова поднимая посох. – Остановитесь!

Не знаю, хватило бы у меня сил повторить подобный фокус, – кольцо Молчана дозаправило меня, но заклинание, похоже, хватануло сил и откуда-то еще. Синяя шкала заполнилась целиком, но посох в руках вдруг потяжелел впятеро, будто я забил им до смерти целое полчище отчаянно сопро-

тивлявшихся великанов.

Но второго раза не понадобилось. Пришедшие с Вацлавом всадники натянули поводья, и лошади остановились.

– Антор? – Князь пристроил меч на холку коня и стянул с головы золоченый шлем. – Это ты?

– Разве ты не узнал меня? – Я опустил посох и поклонился. – Прости, что явился к тебе так... неожиданно.

– Я прожил не так уж много лет, – проговорил Вацлав. – Но мне случалось видеть, как люди делали то, чего простой смертный сотворить не в силах... И все же никто из них не обращался в птицу, подобно тебе.

– Ведун это, княже. – Ратибор тоже снял шлем и прищурился, будто пытаясь разглядеть у меня на голове какие-нибудь рога или что-то в этом роде. – У них власть особая. Сам я не видел, да говорят, что старый Молчан и в ворона обратиться мог, и в медведя лютого, ежели того желал...

– Ты остановил бой. И не дал мне совершить правосудие над теми, кто убивал наш народ. – Вацлав явно не был настроен обсуждать мои новые способности и сразу перешел к делу. – Зачем?

– Мне знакомы эти люди. – Я указал рукой на стену круглых щитов. – И я знаю, что они напали на эту деревню лишь оттого, что им нечего было есть.

– Я вижу щиты и оружие северян. – Вацлав коснулся рукояти меча. – Разве не северяне служат тому, кто называет себя конунгом Сивым?

– Не все северяне покорились ложному конунгу, князь. – Я развернулся к щитам. – Халвард, прозванный Левшой, поклялся хранить верность законному наследнику островов за Большим морем – Рагнару, сыну Бьерна. И он любит Сивого не больше, чем мы с тобой.

– Неужели я слышу голос ярла Антора? – Один из щитов чуть сдвинулся вниз, и из-за него высунулось знакомое бородастое лицо. – И если боги сохранили и тебя, и сына Серого Медведя, я исполню свою клятву, хоть конунг и не сможет исполнить свою. Известно ли тебе, ярл, что зима великанов Фимбульвинтер уже пришла на острова Эллиге и прогнала всех, кто пожелал сохранить жизнь?

– Известно, друг мой, – вздохнул я. – Дурные вести летят над волнами быстрее птиц – вестников богов. Недобрые времена пришли в мир людей, и многие клятвы были забыты.

– Но не моя, ярл. – Халвард вышел из-за щитов и воткнул меч в снег. – Я не стану сражаться ни с тобой, ни с людьми Рагнара Бьернсона, ни с теми, кого он называет своими друзьями... Если они сами не пожелают напасть.

– Убери свой меч, князь. – Я кивнул Вацлаву. – И вели разжечь костры и приготовить еды – Халвард и его люди голодны. Богам было угодно, чтобы мы встретили друзей, и нам о многом нужно поговорить.

* * *

– ...И теперь я поведу войско против того, кто принес в дом моего отца предательство и смерть, – закончил Вацлав. – И если мы зайдем Прашну, Сивый не сможет сделать и шагу дальше, будь у него хоть впятеро больше людей.

– Поистине странные времена пришли в Мидгард, мир людей. – Халвард отхлебнул из дымящейся кружки. – Разве мог бы я еще осенью представить, что буду вместе с имперцем драться против братьев-северян.

– Я не имперец, – буркнул Вацлав. – Мы с твоим другом Антором одного народа, хоть наши обычаи и различаются. Империи больше нет – теперь на ее землях правит конунг Сивый.

– Я признаю только одного конунга. – Халвард сдвинул брови. – И его имя – Рагнар Бьернсон. И если ты его друг, мне нет дела до того, какая кровь течет в твоих жилах. Я буду сражаться за твой дом.

– Даже богам не под силу вернуть тебе Скаген, друг мой. – Я опустил руку Халварду на плечо. – Эллиге больше нет, как нет и Ллохес Ар-и-мор, убежища вольного народа. Но когда мы победим, князь с конунгом щедро наградят тебя.

– Ты получишь золото и плодородные земли за горами, и твои люди больше не будут ни в чем нуждаться, – кивнул Вацлав. – Даю тебе слово.

– Ты по праву будешь называться ярлом Халвардом. – Я поднял кружку. – Скэль!

Северяне отозвались – но как-то жиденько. Похоже, их не обрадовала ни еда, ни медовуха из запасов Вацлава, ни даже перспектива разбогатеть и получить земли взамен утраченных островов.

– Много ли толку нам всем будет от богатства и плодородных полей, когда Фимбульвинтер придет и на эти земли? – мрачно усмехнулся Халвард. – День Рагнарёка близится, ярл, и все, чего я могу желать, – погибнуть, сражаясь за своего конунга, чтобы в последней битве встать с ним рядом. В этом мире или в любом из восьми оставшихся.

– О чем говорит твой друг, Антор? – Захмелевший было от согретой на костре медовухи Вацлав вскинул голову и посмотрел мне прямо в глаза. – Разве ему не угодна моя милость и милость Рагнара?

Можно сказать и так. Похоже, северяне уже смекнули, что время, отпущенное этому миру, заканчивается. Древние сказания предрекли наступление Рагнарёка сотни, если не тысячи лет назад – и теперь начали сбываться. Великанская зима заморозит реки, поля и леса и будет наступать, пока не сойдется с жаром Муспельхейма. И тогда все закончится. Мертвым не нужны ни золото, ни земли.

Только слава и честь.

– Халвард и его люди примут от тебя любой дар, князь, – ответил я. – Но куда важнее для истинных сынов севера

честь послужить своему конунгу. Они верят, что славная гибель в бою дарует им вечную жизнь среди богов и древних героев.

– Недолго нам придется ласкать валькирий – небесных дев. Уже скоро Хеймдалль протрубит в свой рог, врата Небесных Чертогов откроются, и Всеотец поведет эйнхериев в последнюю битву. – Халвард поднял кружку и криво ухмыльнулся. – Конечно, если ты не веришь Сивому, да порази его Тор своим молотом!

– А что говорит Сивый? – Славка, сидевший справа от Вацлава, оторвался от обглоданной бараньей кости. – Он не верит тому, что предсказали вещие девы норны?

– Он верит, что обретет могущество большее, чем подвластно самим богам. – Халвард покачал головой. – Что одного его слова будет достаточно, чтобы растопить льды, сковавшие Большое море, и повернуть вспять воинство, которое Владычица Хель уже погрузила на корабль, построенный из ногтей мертвецов. Что Сурт опустит огненный меч, повинаясь воле конунга, а за ним склонятся и альвы, и цверги, скрытые в горах, и ледяные великаны Йотунхейма, и даже чудовища, которым нет имени ни в одном из языков Мидгарда.

– А во что веришь ты, Халвард, прозванный Левшой? – Славка улыбнулся одними уголками губ. – Думаешь, конунг Сивый...

– Он или лгун, или лишился разума от жадности и зло-

бы! – оскалился Халвард. – Только глупец поверит, что смертному под силу заново сплести нити судьбы, которых не могут коснуться даже боги! Всему существу суждено погибнуть – и вновь восстать из пламени Рагнарёка. Только так мир людей получит новое рождение... разве нет, ярл? Ты не веришь сказаниям?

– Я слышал, что не все боги падут в последней битве, Халвард Левша. – Я пожал плечами. – Младшие боги, не запятнавшие себя ложью, алчностью и нарушением клятв, уцелеют. Сын Тора возьмет молот отца, сраженного змеем Йормунгандом, и ветви нового Иггдрасиля поднимутся над новым миром... Но если так – почему бы не спастись и лучшим из людей, друг мой? Пусть не тебе и не мне – но тем, кто по справедливости заслуживает иной участи?

– Но кому решать, ярл? – Славка незаметно подмигнул мне. – Разве не тому, кто обретет могущество, подобного которому этот мир еще не видел? Ведь время богов уходит – а с ним уходит и отведенная им сила.

– Я не знаю, чего ищет Сивый, – отозвался я. – Но если на свете и есть власть, которой он так жаждет, я сделаю все, чтобы он ее не получил. Такой силой вправе владеть лишь достойнейший из достойных!

– Славные слова, ярл. – Халвард усмехнулся и отсалютовал мне кружкой. – За это я, пожалуй, выпью. Скэль!

Глава 10

– Близится конец времен! – раздался хриплый голос. – Великий змей поднимется из глубин и пожрет всю землю!

Гудред, прозванный Беспалым, поморщился и зашагал чуть быстрее, чтобы поскорее убраться с площади. Здесь всегда бывало шумно, и безумцы, возомнившие себя прорицателями, верещали на всю Прашну с тех самых пор, как северяне пришли в город.

Но в последние дни все чаще и чаще.

– Грядет страшный суд! – снова завопил невысокий мужчина в обносках и с полной вшей всклокоченной бородой. – Дракон пожрет всех, кто отступил от истинного бога и склонился перед язычниками.

– Истинный бог его не спасет. – Один их хирдманнов, шагавших рядом с Гудредом, усмехнулся и взялся за меч. – Только скажи, ярл, и я принесу тебе голову этого несчастного.

Привычный титул снова прозвучал как издевательство. Ярл. Наместник конунга Сивого и правитель Барекстада. Острова за Большим морем, который больше не суждено увидеть ни ему, ни кому-либо из северян.

– Не нужно. – Гудред надвинул на лицо край мехового капюшона. – Нас здесь и так не жалуют.

Со всех сторон доносились негромкие одобрительные

крики. Безумец успел собрать целую толпу, и хирдманнам приходилось расталкивать людей, чтобы пройти. Круглые щиты воинов с Барекстада и так привлекали слишком много лишнего внимания, но когда кого-то сбили с ног, пророк вдруг замолчал – и через мгновение появился прямо перед Гудредом.

– Ты! – завопил он. – Безбожник, из-за которого на весь город пало проклятье!

– Отвяжись. – Гудред отступил на шаг. – У меня нет времени разговаривать с тобой!

– Верно... Верно, язычник! – Пророк потряс перед лицом ярла узловатым старческим пальцем. – Время этого мира заканчивается. Когда дракон придет, каждый ответит за свои дела!

Гудред нахмурился и потянулся к мечу – и хирдманны тут же с грохотом сомкнули щиты, готовясь защищать своего ярла от гнева обезумевшей от злобы и страха толпы.

– Хочешь убить меня? – Пророк рассмеялся Гудреду в лицо. – Давай, берись за свой меч! Мне нечего бояться высшего суда – я чист перед своим богом... А ты, язычник, чист перед своими?!

– Пойдем отсюда! – Гудред оттолкнул тщедушного старика плечом. – Нет нужды лить кровь.

– Бежишь, безбожник?! – закричал кто-то из толпы. – Тебе не спастись!

Камень свистнул в воздухе и с грохотом ударился в под-

ставленный кем-то из хирдманнов щит. И тут же вокруг замелькали клинки – преданные телохранители явно не собирались спускать наглецу оскорбление, нанесенное ярлу.

– Назад! – закричал Гудред. – Просто уйдем.

Стоит ранить хоть одного – и бойню будет уже не остановить. Толпа сойдет с ума от вида крови и бросится на острия мечей. Придется перерезать всех до единого, а такое вряд ли понравится Грому или князю Сигизмунду.

Гудред с радостью отдал бы все золото и все обещанные конунгом земли за одно лишь право ударить, снести головы всем этим трусливым глупцам, достойным быть лишь трэллами, чтобы только не слышать больше их вопли... Но конунг не случайно выбрал своим человеком в Вышеграде его, Гудреда Беспалого.

Не самого могучего и знатного – но, вне всякого сомнения, умнейшего из ярлов.

Ощетинившийся мечами и топорами строй хирдманнов уходил с площади, стальным клином рассекая бушующую толпу. Медленно – но все же не пролив ни капли крови.

– Ты слишком милосерден, мой ярл, – проворчал один из воинов. – Будь моя воля – я бы показал им, чего стоит гнев наших богов... Только глупец поверит в дракона со дна моря, который сожрет всех. Сила змея Йормунганда велика, но лишь Всеотец может судить нас.

– Так было и есть, – отозвался Гудред. – Но в день Рагнарёка он падет, сраженный волком Фенриром, младшим из

детей коварного Локки, и только норны знают, кто решит наши судьбы после последней битвы.

– Ждешь Конца Времен, ярл? – Хирдманн покачал головой. – И потому ты так часто ищешь встречи с провидицей?..

– Помолчи! – прорычал Гудред. – Не говори о том, чего не знаешь!

Стены замка выросли перед ним. Толстые, крепкие и надежные – на севере никто и не думал строить хоть что-то подобное. Но Прашна стояла здесь больше тысячи лет – и вокруг было достаточно скал, чтобы окружить могучим камнем не только жилище князя, но и весь город.

Стены надежно защищали Гудреда и его людей от толпы снаружи. Защитили бы и от врагов на востоке – но даже они бессильны перед временем. Только глупец не заметил бы знамения Рагнарёка, а Гудред никогда не был глупцом и почуял дурное намного раньше других. И первым из ярлов Ульвара Черного Копья предложил свой меч и свою верность новому конунгу. Все увидели в нем могучего правителя... но лишь немногие знали об истинном могуществе того, кто пришел на Эллиге из ниоткуда. Власть Сивого простиралась туда, куда никто из простых смертных не смел даже заглянуть.

Никто – кроме Гудреда.

Он кивнул хирдманнам, и те послушно остановились и устроились у стены неподвижными статуями. Они не пропустят никого, даже князя Сигизмунда и Грома, – и не пойдут

следом сами.

То, за чем ярл спускается в подземелье древнего замка Прашны, должно остаться тайной. Для всех.

Гудред поднял повыше факел и шагнул на ступеньки, ведущие вниз. Лестница уходила во тьму. Таковую густую, что сверху можно было бы подумать, что этот путь ведет прямо в царство Владычицы Хель. И только Гудред знал, что на самом деле подземелья замка не так уж и глубоки. Никаких подземных ходов и лабиринтов, о которых так любили болтать слуги в замке. Пятьдесят восемь ступенек и несколько холодных каменных комнат, которые уже десятки лет пустовали.

Все – кроме одной.

– Ты снова здесь? – донесся голос из темноты за ржавой решеткой. – Зачем ты пришел, ярл Гудред?

Пламя факела осветило маленькую старуху в грязном платье из грубой ткани и в коричневой накидке с капюшоном. Одежда висела мешком – раньше хозяйка обносков была куда полнее, но лишения высушили ее плоть. Долгие дни, проведенные здесь без солнечного света и почти без пищи, лишили тело сил, сделали морщинистую кожу белой, как у мертвеца, и согнули спину – но даже голод и тьма ничего не смогли сделать с нравом, которого в свое время опасались и могучие воины.

Голос старухи звучал ничуть не тише, чем раньше.

– Я знаю, что ты здесь, Гудред Беспалый, – снова загово-

рила она. – Знаю, хоть и не могу увидеть по милости твоего конунга. Я уже давно научилась различать по шагам всех, кто спускается сюда.

– Ульвар Черное Копье мертв. – Гудред приблизился к решетке. – Теперь я служу...

– Конечно, Беспалый, – усмехнулась старуха. – Твоя спина уже давно должна была скрючиться подобно моей – так часто ты кланялся новым хозяевам. Но разве ты забыл, что они со мной сделали?!

Когда старуха скинула с головы капюшон, Гудред отшатнулся – хоть и не раз уже видел обезображенное лицо, обрамленное грязными поседевшими волосами. Всю его верхнюю часть покрывали шрамы, а на месте глаз зияли уродливые провалы. Каленое железо всегда оставляет такие следы – и Гудред помнил, как это случилось, будто это было вчера.

Старуха не издала ни звука. Не стонала, не кричала и не молила о Ульвара пощаде. Только ругалась – уже потом, когда все закончилась. Ругалась так, как не ругаются даже закаленные в боях воины. Сам Локи – мастер острого слова – наверняка услышал ее из Небесных Чертогов и позавидовал.

– Разве я виноват в этом? – Гудред опустил голову. – Ты сама разгневала конунга.

– Я лишь сказала правду – и боги слышали меня, – усмехнулась старуха. – Ты был там – и не защитил меня, Гудред Беспалый. А теперь приходишь ко мне. Зачем?

– Ты знаешь, зачем. Ты лишилась зрения, но твой внут-

ренный взор видит то, чему еще только суждено случиться. Люди называют тебя провидицей.

– Это так, ярл Гудред. – Старуха обнажила в улыбке крепкие желтоватые зубы. – Конунгу Ульвару было угодно выжечь мне глаза, – но даже слепой я вижу многое куда лучше зрячих.

– Так скажи мне! – Гудред встал прямо у разделявшей их с провидицей решеткой. – Открой мне будущее, и я верну свободу, которой ты так дорожила. Скажи, одолеет ли конунг Сивый своих врагов? Разделю ли я хоть крупицу той власти, которой...

– Свободу? – Провидица рассмеялась Гудреду в лицо. – К чему мне свобода, Беспалый, если я не смогу даже подняться по лестнице, с которой меня сбросили? В этих землях у меня нет друзей, что позаботились бы о слепой старухе. Много ли мне осталось до того дня, когда меня позовет к себе Владычица Хель?

– На то воля богов, – проворчал Гудред. – Но если ты будешь упорствовать – я отправлю тебя к ней хоть сейчас!

– Ты угрожаешь мне, Беспалый? Видимо, ты утратил и честь, и разум, если желаешь испачкать свой меч кровью старух, а не воинов. Но я не боюсь смерти – для меня она будет лишь избавлением от того, на что ты меня обрек.

Гудред выругался себе под нос. Старая карга оказалась куда крепче, чем он думал, а ее упрямству позавидовали бы даже бараны из гор Барекстада. Но если приказать не давать

ей пищи...

– Меня лишили глаз, Беспалый, – снова заговорила провидица. – Жгли огнем и железом по приказу твоего конунга. Отобрали дом и все, что я имела. Отобрали даже имя – никто из тех, кого я называла друзьями, теперь не узнает меня. Неужели ты думаешь, что в этом мире осталось хоть что-то, чего я могу бояться?

– Я не знаю. – Гудред развернулся к лестнице. – Но если и есть способ развязать тебе язык...

– Постой, ярл.

Гудред замер.

– Я исполню твою просьбу. – Провидица прижалась к решетке. – И ты услышишь то, что открыли мне боги. Но не вини меня, если...

– Говори! – Гудред одним прыжком преодолел разделявшее их расстояние и вцепился в расплзавшиеся прямо под пальцами обноски. – Говори, или, клянусь Тором, я...

– Судьба Сивого лишь в его руках. Он стремится обрести силу, которой страшатся даже бессмертные боги, и плата будет немалой. Мне не ведомо, сможет ли он одолеть своего врага. – Провидица обхватила прутья решетки костлявыми пальцами и приблизила безглазое лицо к лицу Гудреда. – Но ты этого уже не увидишь, Беспалый.

– Почему? Что...

– Тот, кого ты называл другом, а потом предал, идет, – усмехнулась провидица. – И его не остановят ни вода, ни

огонь, ни железо и ни камень. Ни слово человека, ни воля самих богов. И нет такого места в Мидгарде, где ты сможешь от него спрятаться.

– Антор... – прошептал Гудред одними губами. – Он убьет меня? Скажи, провидица!

– Нет, глупец. – Изуродованное морщинистое лицо снова прорезала кривая ухмылка. – Но за свои деяния ты ответишь не перед богами, а перед людьми. Твою жизнь оборвет меч конунга!

Глава 11

– Ты сегодня нерадостен, друг мой, – произнес Сигизмунд. – Что-то случилось? Или тебе не по нраву мое гостеприимство?

Новый князь Прашны развалился на гигантском стуле, украшенном золотом и мехами, – местные называли это «троном», – поигрывая в руках изящным кубком. Он старательно пытался заставить всех поверить в собственную беззаботность.

Слишком старательно.

Гудред никогда не был глупцом – и без труда увидел то, что Сигизмунд напрасно пытался скрыть за расслабленной позой и нарочито вальяжными движениями. Пальцы князя нервно подрагивали на золоте кубка, глаза тревожно бегали из стороны в сторону, и всякий раз, когда за дверями большого зала раздавались шаги, Сигизмунд едва заметно подпрыгивал.

Он боялся – и ни на крупицу не доверял ни Гудреду, ни Грому – одному из хускарлов конунга, ни даже своим людям. Тем, кто вместе с ним резал воинов покойного князя в их собственных постелях. Страх буквально сочился из Сигизмунда, стекал на пол и расползался по углам, превращая бесформенные тени от очага в зловещих вестников неминуемой расплаты.

Гудред и сам видел их – только вместо мальчишки, сбжавшего из Прашны с сотней всадников, в каждом темном углу ему мерещилась куда более грозная фигура. Тот, кого Гудред сам нарек ярлом тогда, на Барекстаде, и чью дружбу променял на обещания Ульвара Черное Копье. Тот, чью голову он срубил с изуродованного окровавленного тела и своими руками выбросил в погребальный костер, что поднялся выше крыши Длинного дома. Тот, о ком он спрашивал слепую провидицу.

Тот, кто обманул саму Владычицу Хель, вернувшись оттуда, откуда не суждено было вернуться даже величайшим из героев.

Антор. Лишенный смерти ярл Рагнара, сына Серого Медведя. Одним богам известно, насколько велико могущество колдуна. Разве не может тот, кто вернулся из Царства Тьмы, пройти сквозь толстые камни замка... или перелететь стены, обратившись в ворона?

Может, он уже совсем близко, заносит свой огромный меч, чтобы одним ударом...

– Ты слышал, что сказал князь? – проворчал Гром. – Что тебя тревожит, Беспалый?

– Ничего. – Гудред втянул голову в шею, зарываясь бородой в мех плаща. – Разве нам есть чего бояться в доме самого князя?

Если бы Гром узнал о его мыслях, он только рассмеялся бы. Великан не боялся ничего и никого, кроме самого ко-

нунга Сивого. За всю свою жизнь Гудреду не приходилось видеть более неистового и могучего воина. Никто не знал ни где родился Гром, ни даже его настоящего имени – только прозвище, одного лишь звука которого страшились не только враги, но и сами северяне. Он привел с собой в Прашну лишь три десятка хирдманнов с черными волками на одежде – но и их оказалось достаточно, чтобы стальным кулаком держать и местных вояк, и весь город.

И самого Гудреда со всем его хирдом из Арефьорда, хоть он и назывался ярлом.

– Настали непростые времена. – Сигизмунд подлил себе вина в кубок. – Могущество конунга велико, но его враги повсюду. Кто знает, на что они способны?

– Ты боишься мальчишки с сотней всадников, князь? – усмехнулся Гром. – Или болвана Рагнара, который не смог сохранить наследие отца и сбежал в Вышеград, поджав хвост?

– Нет, Гром. – Сигизмунд покачал головой. – Они нам не страшны. Но конунг рассказывал мне о могущественном колдуне, который...

– Я не боюсь колдуна! – Гром ударил по столу огромным кулачищем. – И если мы встретимся еще раз, я принесу конунгу его голову!

– Тебе уже приходилось сражаться с ним, друг мой? – спросил Сигизмунд.

– Нет. Он сбежал прямо из моих рук. – Гром тряхнул кос-

матой головой. – Но второй раз этому не бывать!

– Верно. – Сигизмунд улыбнулся и пододвинул Грому кувшин с вином. – Ты великий воин. Величайший из всех, кого я когда-либо видел. Твой враг не ускользнет... от нас.

– Настанет день, и мы отправимся на восток, – вздохнул Гудред. – И одолеем всех, кто не склонится перед волей конунга.

– Да будет так. – Сигизмунд поднял кубок. – Но сейчас наш удел – оберегать эти стены, пока конунг наводит порядок на разрозненных землях. Империи нужна крепкая власть, и когда бароны на западе...

– К Хель баронов! – вдруг рявкнул Гром, снова опуская на стол тяжелый кулак. – И к Хель Империю! Пока другие сражаются, мы сидим здесь, как... Проклятье!

– Но такова воля конунга. – Сигизмунд опрокинул остатки вина себе в глотку. – Что мы можем сделать? Тот, кто разгромит колдуна и его союзников, получит не только золото, но и такие милости, о которых я не смею даже думать. Видят боги, хотел бы я быть тем, кто подарит конунгу победу.

– И я, – кивнул Гудред, – но если ему угодно, чтобы мы охраняли единственный путь через горы вокруг...

– К Хель!

Гром схватил со стола кувшин и запустил им в стену. Тот разлетелся на мелкие кусочки, брызнув во все стороны остатками вина. От его рева пламя свечей на столе затрепетало, и даже тени в углах съежились, будто испугавшись.

– Я не собираюсь сидеть здесь, пока проклятый колдун собирает силы, – прорычал Гром. – Уж лучше напасть первыми!

– Верно, друг мой. – Сигизмунд улыбнулся и осторожно скопился на винное пятно на стене. – Но разве посмеем мы нарушить...

– Ты знаешь, что было с теми, кто послушался конунга, – проворчал Гудред. – Я не хочу повторить их участь.

– И я бы не хотел. – Сигизмунд протяжно вздохнул. – Но если бы мы одолели колдуна и его воинство, конунг едва ли стал бы карать нас за непослушание...

– И чего же мы ждем? – Гром сложил на груди могучие руки. – У меня и Гудреда почти сотня мечей, а ты без труда соберешь впятеро больше всадников. Этого хватит, чтобы раздавить и Рагнара, и твоего любимого племянника.

– Я поклялся конунгу... – начал Гудред.

– Он ничего не узнает до того самого момента, пока мы не принесем ему голову колдуна. – Гром поднялся на ноги. – Мы слишком засиделись в этих стенах... Ты со мной, князь?

– Только скажи – и мои всадники выступят на восток. – Сигизмунд потер ладони. – Уж лучше им схватиться с врагом, чем грызться между собой со скуки.

– Я пойду собирать людей. – Гром повернулся к Гудреду. – А ты можешь оставаться – если хочешь.

С несколькими десятками воинов в городе, наполненном озлобленной и голодной толпой, готовой разорвать иновер-

цев-северян на части. И бок о бок с мелкой знатью, половина из которой с радостью скинет Сигизмунда, если он допустит хоть малейший промах. Конунгу нет никакого дела до того, чья задница сидит на троне в замке, пока ее обладатель признает его своим господином.

– Я с тобой, Гром, – проворчал Гудред. – Лучшего времени для нападения уже не будет.

– Тогда поспешим.

Гром шагнул к двери, но прежде, чем он успел выйти, перед ним вдруг появился человек. Гудред не успел заметить, откуда тот возник.

Уж не из теней ли?

По сравнению с великаном-Громом мужчина с темными волосами, перехваченными на лбу кожаным ремешком, казался невысоким и тщедушным – но смотрел на северянина без малейшего страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.